

ЭЛИН
ХИЛЬДЕБРАНД

Лето

1969

18+

роман

МИОМ

Элин Хильдебранд
Лето 1969
Серия «МИФ Проза»
Серия «Романы МИФ.
Лето Элин Хильдебранд»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67817624

Лето 1969 / Элин Хильдебранд: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2022

ISBN 9785001955382

Аннотация

Семейная сага от королевы летних романов Элин Хильдебранд.

В самое бурное лето прошлого века – лето 1969 года – все меняется для семьи Левин. Обычно они вместе проводят каникулы у бабушки в Нантакете. Однако в этом году Блэр беременна двойней в Бостоне, Кирби работает на соседнем острове Мартас-Винъярд, Тигр сражается во Вьетнаме, и только юная Джесси остается в опустевшем доме с встревоженными матерью и бабушкой.

Три поколения одновременно со всей страной переживают драматические потрясения, учатся примирять противоречивые взгляды, принимать и ценить друг друга.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Информация от издательства	7
Плей-лист	8
Пролог. Fortunate Son	11
Июнь 1969-го	18
Both Sides, Now	19
Born to Be Wild	45
Fly Me to the Moon	58
Time of the Season	87
Magic Carpet Ride	115
Those Were the Days	134
Suspicious Minds	140
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Элин Хильдебранд
Лето 1969

Информация от издательства

Original title:

Summer of '69

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2019 by Elin Hilderbrand

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Плей-лист

Fortunate Son (1969) – Creedence Clearwater Revival

Both Sides, Now (1966) – Joni Mitchell

Born to Be Wild (1968) – Steppenwolf

Fly Me to the Moon (1954) – Frank Sinatra

Time of the Season (1968) – The Zombies

Magic Carpet Ride (1968) – Steppenwolf

Those Were the Days (1968) – Mary Hopkins

Suspicious Minds (1968) – Mark James

Young Girl (1968) – Gary Puckett & The Union Gap

Everyday People (1968) – Sly and the Family Stone

More Today Than Yesterday (1969) – Spiral Starecas

Piece of My Heart (1968) – Big Brother and the Holding

Company

Everybody's Talkin (1966) – Fred Neil

Mother's Little Helper (1966) – Rolling Stones

Magic Carpet Ride (1968) – Steppenwolf (реприза)

Help! (1965) – The Beatles

White Rabbit (1967) – Jefferson Airplane

Summertime Blues (1958) – Eddie Cochran

I Heard It Through the Grapevine (1966) – Creedence

Clearwater Revival

Summertime Blues (1958) – Eddie Cochran (реприза)

Nineteenth Nervous Breakdown (1965) – Rolling Stones

A Whiter Shade of Pale (1967) – Procol Harum
Whatever Lola Wants (1955) – Sarah Vaughan
Sunshine of Your Love (1967) – Cream
Can't Find My Way Home (1969) – Blind Faith
Fly Me to the Moon (1954) – Frank Sinatra (реприза)
Ring of Fire (1963) – Johnny Cash
All Along the Watchtower (1967) – Jimi Hendrix
A Whiter Shade of Pale (1967) – Procol Harum (реприза)
Midnight Confessions (1968) – Lou Josie
For What It's Worth (1966) – Buffalo Springfield
Get Back (1969) – The Beatles
Both Sides, Now (1966) – Joni Mitchell (реприза)
Someday We'll Be Together (1969) – Diana Ross
Fortunate Son (1969) – Creedence Clearwater Revival (реприза)

<https://www.mann-ivanov-ferber.ru/mif-let-1969/>

Эта книга посвящена трем людям, которые

были рядом со мной ранним утром 17 июля 1969 года:

моей маме Салли Хильдебранд, у которой на четыре недели раньше срока начались роды;

моей бабушке по маме Рут Халинг, проехавшей все светофоры на красный свет, чтобы доставить маму в Бостонскую женскую больницу;

моему брату-близнецу Эрику Хильдебранду – так и вижу, как он повернулся ко мне и спросил: «Ну что, готова?»

Пролог. Fortunate Son

1

Тигру пришла повестка. Первый порыв Кейт – выкинуть ненавистное письмо куда-нибудь подальше. Так поступила бы любая мать на ее месте, разве не так? Притвориться, будто почта затерялась, обеспечив Тигру еще несколько недель свободы, пока армия США созреет отправить следующее извещение. К тому времени эта богом проклятая война во Вьетнаме, может, и закончится. Никсон обещал завершить войну. Прямо сейчас в Париже идут мирные переговоры. Ле Зуан поддастся капиталистическим посулам, или Тхьеу прикончат, а его место займет кто-то поумнее. Честно

¹ «Fortunate Son» (1969) – песня рок-группы Creedence Clearwater Revival. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

говоря, Кейт плевать, если Вьетнам падет жертвой коммунистов. Лишь бы сын остался цел.

Тигр возвращается домой после смены в школе вождения, и Кейт роняет:

– Там тебе письмо пришло, на кухонном столе.

Письмо Тигра совершенно не интересует. Он насвистывает, на нем полиэстерная форменная рубашка школы вождения «Уолден Понд», на кармане вышито его имя: Ричард. В письме к нему также обращаются по этому имени – послание адресовано Ричарду Фоли, – хотя все зовут его просто Тигром.

Тигр болтает:

– Ма, я сегодня учил такую красотку. Ее зовут Мэджи² – и это имя, а не фамилия, скажи, отпад? Ей тоже девятнадцать, учится на стоматолога-гигиениста. Я ей поулыбался во все тридцать два, а потом пригласил на ужин, и она согласилась. Она тебе понравится, вот увидишь.

Кейт возится у раковины, так и сяк устраивает в вазу нарциссы. А сама закрывает глаза и думает: «Больше никогда в жизни он не будет таким легкомысленным».

Конечно же, в следующую секунду Тигр восклицает:

– Ох, черт, ох ты ж... Ма? – Он откашливается.

Кейт оборачивается, отгораживаясь охапкой нарциссов, будто крестом от вампира. На лице Тигра написан шок, и

² Мэджи (англ. Magee) – шотландская и ирландская фамилия, крайне редко встречается как имя.

восторг, и ужас.

– Меня призывают, – выпаливает он. – Двадцать первого апреля я должен прибыть в призывной пункт в Южном Бостоне.

Двадцать первого апреля – день рождения Кейт. Ей исполнится сорок восемь. За сорок восемь лет жизни она дважды выходила замуж и родила четверых детей, трех дочек и сына. Кейт ни за что не признается, что любит сына больше всех: может обронить, мол, питает к нему особые чувства. Это яростная, всепоглощающая любовь, которую каждая мать испытывает к своему чаду, но со щепоткой потворства. Ее красивый сын так похож на своего отца, но он добрый. И славный.

Кейт открывает кошелек и кладет на стол перед Тигром двадцать долларов.

– Это тебе на свидание. Сходите в хорошее место.

Двадцать первого апреля Кейт везет Тигра из Бруклина в Южный Бостон. Дэвид предлагал сесть за руль, но Кейт решила все сделать сама.

– Он мой сын, – роняет она, и лицо Дэвида на мгновение искажается болью и изумлением.

Они никогда не употребляют подобных выражений – «ее» дети, подразумевая «не его», – и Кейт тут же бранит себя, но в то же время у нее мелькает мысль, дескать, если Дэвид хочет узнать, что такое настоящая боль, пусть поставит себя на ее место. На подъездной дорожке к дому Тигр прощается

с Дэвидом и тремя сестрами. Кейт приказала девочкам не плакать.

– Мы же не хотим, чтобы он решил, будто не вернется назад.

И все же Кейт не отпускает страх: вдруг Тигр погибнет на чужой земле. Ему прострелят голову или живот, разорвет гранатой. Он утонет на рисовом поле, сторит в падающем вертолете. Каждый вечер Кейт слышит о подобном в новостях. Американские мальчики гибнут, а что сделали Кеннеди, Джонсон и теперь вот Никсон? Отправили новых мальчиков.

В призывном пункте Кейт становится в длинный ряд автомобилей. Впереди мальчишки, такие как Тигр, обнимают родителей, некоторые – в последний раз. Ведь так? Совершенно точно некоторые мальчики отсюда, из Южного Бостона, отправляются на смерть.

Кейт паркуется. Оглядевшись, понимает: все произойдет быстро. Тигр сгребает с заднего сиденья рюкзак, Кейт выходит, обегает автомобиль. На какое-то мгновение застывает, запечатлевая в памяти образ сына. Девятнадцать лет, метр восемьдесят восемь ростом, восемьдесят два килограмма весом, светлые волосы отросли так, что касаются воротника рубашки, к ужасу матери Кейт, Экзальты, но армия США с этим живо разберется. У него ярко-зеленые глаза, один из зрачков чуть вытянут, будто мед капает с ложки. Кто-то сказал, что у сына тигриный глаз, так он и получил свое про-

звище.

У Тигра за спиной школьный диплом и один семестр колледжа в Университете Фремингейма. Слушает Led Zeppelin и The Who, любит скоростные машины. Мечтает в один прекрасный день поучаствовать в гонке «Инди-500».

А потом Кейт внезапно проваливается в прошлое. Тигр родился на неделю позже положенного срока и весил около четырех с половиной килограммов. Первые шаги сделал в десять месяцев – довольно рано, ведь ему не терпелось догнать Блэр и Кирби. В семь лет он мог поименно перечислить всех игроков «Ред Сокс», его любимчиком был Тед Уильямс. В двенадцать Тигр совершил три хоум-рана подряд в финальной игре Малой лиги. На восьмом году обучения его выбрали президентом класса, после чего он стремительно и благоразумно потерял интерес к политике. Как-то в дождливый день на Нантакете Тигр от нечего делать сыграл в боулинг и вскоре победил на своем первом турнире. Потом, в старшей школе, увлекся футболом. Тигр Фоли поставил все рекорды среди ресиверов в средней школе Бруклина, включая общее количество набранных ярдов – рекорд, который, по прогнозам тренера Бевилаквы, никогда не будет побит. Сына приглашали играть за «Пенн Стейт», команду Университета Пенсильвании, но Тигр не хотел уезжать так далеко от дома, а команда Массачусетского университета была не такой классной. По крайней мере, так утверждал Тигр. Кейт подозревает, что сыну просто надоело играть, или, может, он

решил уйти на самом пике бейсбольной карьеры, ну или совсем не желал еще четыре года торчать на студенческой скамье. Кейт очень хотелось бы сказать, что если бы Тигр поступил в колледж, какой угодно, или остался на заочном в университете, то сейчас не оказался бы в таком положении.

– Не забудь, ты обещала заехать к Мэджи, – напоминает Тигр.

Мэджи. Он волнуется о Мэджи. Тигр и Мэджи сходили на первое свидание в день, когда пришло то самое письмо, и с той поры не разлучались. Сама-то Кейт считает, что завязывать отношения за две недели до отправки на войну неразумно, но, вероятно, сыну нужно было отвлечься. Кейт согласилась заглядывать к Мэджи, ведь Тигр сказал, что та очень расстроена его отбытием. Но девушка, с которой встречались две недели, не может тревожиться больше родной матери солдата.

Срок службы составляет тринадцать месяцев, это не на всю жизнь, но некоторые из матерей здесь, возле призывного пункта, сами того не подозревая, прощаются навсегда, и Кейт уверена, что она – одна из них. Другие матери ведь не натворили ничего такого. А она заслужила наказание. Целых шестнадцать лет наслаждалась каждым счастливым днем, подспудно ощущая, будто берет их взаймы и рано или поздно придет срок платить по счетам. Кейт думала, это будет рак, или авария, или пожар. Она никогда не задумывалась, что может потерять сына. Но прямо сейчас она стоит

здесь. По собственной вине.

– Я люблю тебя, ма, – говорит Тигр.

Обычно она отвечает: «Я тоже люблю тебя», но сейчас выпаливает:

– Прости меня. – Кейт сжимает Тигра в объятиях так крепко, что ощущает все его ребра под легкой ветровкой. – Прости меня, сыночек.

Тигр целует ее в лоб и держит за руку до самой последней секунды. Когда он наконец заходит в призывной пункт, Кейт стремительно влетает в автомобиль. Через окно она видит, как Тигр выпрямляется и расправляет плечи. Кейт переводит взгляд на свои сжимающие руль пальцы. У нее нет сил смотреть, как сын исчезает.

Июнь 1969-го

Both Sides, Now

3

Они уезжают на Нантакет, как всегда, в третий понедельник июня. Экзальта Николс, бабушка Джесси по маме, помещана на традициях, а когда дело доходит до летних обычаев и ритуалов, у нее и вовсе крышу сносит.

Третий понедельник июня попадает на тринадцатый день рождения Джесси, и поэтому его отмечать не будут. Джесси только того и надо. Все равно без Тигра праздник не праздник.

Джессика Левин («Рифмуется с “королева”, как говорит она посторонним) – младшая из четырех детей. Ее сестре Блэр двадцать четыре, она живет на Коммонвелс-авеню. Бл-

³ «Both Sides, Now» (1966) – песня канадской певицы Джони Митчелл, одной из самых важных исполнительниц рок-эры.

эр замужем за профессором Массачусетского технологического института Ангусом Уэйленом. В августе у них должен родиться первенец, а значит, Кейт, мама Джесси, вернется в Бостон помогать с младенцем и оставит младшую дочь вдвоем с бабушкой на Нантакете. Экзальта не из тех теплых и милых бабушек, которые пекут печенье и треплют за щеки. Для Джесси каждая встреча с бабулей – как сигануть головой в колючий куст: вопрос даже не стоит, поцарапается она или нет, вопрос в том, где и как сильно поцарапается. Джесси пыталась обсудить с Кейт возможность возвращения с ней в Бостон, но мать твердила одно:

– Не стоит портить летний отдых.

– Да он не испортится, – настаивала Джесси.

По правде сказать, досрочное возвращение в город, наоборот, спасло бы лето. Лесли и Дорис, подружки Джесси, остаются в Бруклине, будут плавать в бассейне загородного клуба, пользуясь членством семьи Лесли. Прошлым летом за время отсутствия Джесси девочки сблизились. Их дружба окрепла, а Джесси оказалась в зыбкой позиции. Лесли среди подруг главная, потому что она милая блондинка, а ее родители время от времени обедают у Тедди и Джоан Кеннеди⁴. Иногда Лесли дает понять Джесси и Дорис, что делает им одолжение, считая подругами. Она вполне крута, захочет –

⁴ Эдвард Мур Тед Кеннеди (англ. Edward Moore «Ted» Kennedy; 1932–2009) – сенатор США от штата Массачусетс, младший брат президента США Джона Фитцджералда Кеннеди.

будет тусить с Пэмми Поуп и другими популярными девчонками. Если Джесси уедет на все лето, может навсегда потерять Лесли.

Кирби, вторая старшая сестра Джесси, – студентка в Симмонс-колледже. Споры Кирби с родителями всегда шумные и чрезвычайно интересные. Годами подслушивая родительские разговоры, Джесси поняла, в чем проблема: Кирби – «вольная птаха», которая «никак не поймет, что ей на пользу». В Симмонсе Кирби дважды меняла специализацию, потом попыталась основать собственное направление – гендерные и расовые исследования, – но декан его отверг. Тогда Кирби решила, что будет первой в мире студенткой, которая выпустится из Симмонса вообще без всякой специализации. Однако декан снова сказал «нет».

– Он заявил, что окончить университет без специализации – все равно что прийти на церемонию вручения дипломов голой, – рассказала Джесси сестра. – А я ему ответила, что не стоит меня провоцировать.

Джесси представляет, как Кирби дефилирует через сцену за дипломом в чем мать родила. Сестра еще в старших классах начала участвовать в политических протестах. С доктором Мартином Лютером Кингом – младшим она промаршировала через трущобы и опасные районы от Роксбери до парка Бостон-Коммон, где ее разыскал и увел домой папа Джесси. За прошлый год Кирби приняла участие в двух антивоенных протестах, оба раза ее арестовывали.

Арестовывали!

Родители потеряли всякое терпение. Джесси слышала, как мама говорила: «Мы ей ни цента не дадим, пока она не научится играть по правилам!» Но теперь Кирби для них не самая большая головная боль.

Самая большая проблема – брат Джесси Ричард, которого все зовут Тигр. Его призвали в армию в апреле. После базовой подготовки Тигра направили на Центральное плато Вьетнама в составе роты «Чарли» двенадцатого полка третьей бригады Четвертой пехотной дивизии. Что пошатнуло основы семьи. Все они верили, что на войну отправляют только юношей из рабочего класса, но никак не звездных учеников средней школы Бруклина.

В школе Джесси все по-разному отреагировали на призыв Тигра. Пэмми Поуп пригласила ее в гости на ежегодный семейный пикник в честь Дня поминовения, но Джесси отказалась из-за дружбы с Лесли и Дорис, их-то не позвали. Как-то в один июньский понедельник школьный психолог мисс Флауэрс вызвала Джесси с урока – проверить, как она справляется. Это было занятие по домоводству, и уход Джесси вызвал бурную зависть у других девочек, которые сражались со швейными машинками, пытаясь дошить синие вельветовые жилеты в срок до конца четверти. Мисс Флауэрс отвела Джесси в свой кабинет, вскипятила воду в электрическом чайнике и приготовила чашку горячего чая. Джесси не пила горячий чай, к тому же предпочитала кофе – Экзальта разре-

шала ей выпить одну чашку кофе с молоком за воскресным
бранчем, невзирая на протесты Кейт, дескать, девочка не вы-
растет, – но Джесси понравилось уютное гнездышко кабинета
мисс Флауэрс. Психолог открыла деревянный ящик с экзотическими
чаями – ромашка, цикорий, жасмин, – и Джесси выбрала вкус со
всей тщательностью, будто от этого зависела ее жизнь. Она
взяла гибискус. Пакетик болтался в чашке несколько минут,
но чай все равно стал только бледно-оранжевым. Джесси бросила
три кубика сахара, опасаясь, что напиток окажется безвкусным.
Так и вышло: получилась оранжевая сладкая водичка.

– Итак, – начала мисс Флауэрс, – как я понимаю, твой брат
уже за океаном. Были от него вести?

– Два письма, – ответила Джесси.

Одно из писем было адресовано всей семье, Тигр в подробностях
расписал базовую подготовку, которая, по его словам, «совсем не
такая тяжелая, как говорят, а для меня и вовсе проще простого». Другое
письмо он написал лично Джесси. Она сомневалась, что Блэр и
Кирби тоже получили по весточке. Блэр, Кирби и Тигр были полными
кровными родственниками, детьми Кейт и ее первого мужа, лейтенанта
Уайлдера Фоли, который отслужил на тридцать восьмой параллели в
Корее⁵, вернулся домой и случайно пустил себе пулю в голову из
«Беретты». Но ближе всех Тигру была

⁵ По 38-й параллели северной широты проходила граница между Северной и Южной Кореей до корейской войны.

сводная сестра Джесси. На самом деле им не разрешалось употреблять выражения «сводная сестра», «сводный брат», «отчим» – Кейт резко пресекала все попытки, – но, как ни крути, в семье присутствовал некий разлом. Однако отношения между Тигром и Джесси были искренними, цельными и хорошими, чему и служило доказательством письмо. После первой же строчки, гласящей «Милая Месси», на глазах у Джесси выступили слезы.

– Только письма и облегчают душу, – сказала мисс Флауэрс, ее глаза тоже увлажнились. Жених мисс Флауэрс, Рекс Ротман, был убит год назад во время Тетского наступления во Вьетнаме. Мисс Флауэрс целую неделю не ходила в школу, потом Джесси увидела ее фотографию в «Бостон Глоб»: она рядом с гробом, накрытым американским флагом. Но в сентябре, после начала очередного учебного года, между мисс Флауэрс и учителем физкультуры Эриком Барстоу вспыхнул роман. Мистер Барстоу был мускулистым, как Джек Лаленн⁶. Мальчики одновременно ненавидели и уважали мистера Барстоу, а Джесси и другие школьницы опасались. Но как только он начал встречаться с мисс Флауэрс, тут же внезапно превратился в романтического героя. Той весной школьники застукали, как мистер Барстоу подарил мисс Флауэрс нежный букет ландышей, завернутых в мокрую бу-

⁶ Джек Лаленн (англ. Jack LaLanne; 1914–2011) – «отец» современного движения за здоровый образ жизни, изобрел индивидуальные тренажеры, вел шоу на телевидении.

мажную салфетку, а после школы ежедневно подносил ее книги и папки до парковки. Джесси несколько раз замечала, как парочка разговаривает рядом с оранжевым (точь-в-точь цвет Флориды) «Фольксвагеном-жуком» мисс Флауэрс и мистер Барстоу облакачивается на крышу автомобиля. А однажды из школьного автобуса даже увидела, как они целуются.

Кое-кто – например, Лесли – осуждает мисс Флауэрс за то, что она нашла замену погибшему жениху, не подождав даже года. Но Джесси понимает, какая трагическая пустота остается после потери близкого, а на уроке естествознания они учили, что природа не терпит пустоты. Джесси знает, что после гибели Уайлдера ее мама наняла адвоката, чтобы оспорить заявление страховой компании, дескать, ее муж покончил жизнь самоубийством. Адвокат доказывал, что Уайлдер чистил «Беретту» в гаражной мастерской и выстрелил случайно. Такое различие было важно не только для получения страховой выплаты, но и для спокойствия троих детей Кейт. На тот момент Блэр было восемь, Кирби – пять, а Тигру – всего три.

Нанятый Кейт адвокат, который успешно доказал в суде случайность гибели Уайлдера, был не кто иной, как Дэвид Левин. Через шесть месяцев после того, как дело было урегулировано, Кейт и Дэвид начали встречаться. Несмотря на горячие возражения Экзальты, они поженились, и через несколько месяцев после гражданской церемонии Кейт забеременела Джесси.

Джесси не хотелось обсуждать с мисс Флауэрс Тигра и Вьетнам, она решила сменить тему и произнесла:

– Чай очень вкусный!

Мисс Флауэрс неопределенно кивнула и промокнула глаза носовым платком, который всегда носила за поясом платья, чтобы предлагать ученикам (в конце концов, она была подростковым психологом, а гормоны и чувства подростков могут вырваться наружу в любую минуту). Мисс Флауэрс сказала:

– Я просто хочу, чтобы ты знала: если во время учебного дня у тебя появятся мрачные мысли, можешь прийти сюда и поговорить со мной.

Джесси уставилась в чашку. Она знала, что никогда не сможет воспользоваться предложением мисс Флауэрс. Как можно обсуждать мрачные мысли о брате – живом, насколько Джесси было известно, – ведь мисс Флауэрс потеряла своего жениха Рекса Ротмана на самом деле?

Каждую ночь Джесси мучили кошмары о том, что Тигра убьет минометным огнем или взрывом гранаты или его захватят в плен и погонят сотню миль через джунгли без еды и воды, но от офиса мисс Флауэрс она держалась подальше. Ей удавалось избегать психолога до последнего школьного дня, когда та остановила Джесси по дороге к выходу и шепнула на ухо:

– Встретимся в сентябре, твой брат благополучно вернется домой, а я буду помолвлена с мистером Барстоу.

Джесси прижалась головой к джемперу грубого льна мисс Флауэрс, посмотрела ей в глаза и поняла, что та действительно верит в свои слова, – и на одно прекрасное мгновение Джесси тоже в них поверила.

7 июня 1969 года

Милая Месси,

пишу письмо сейчас, хочу быть уверенным, что оно точно успеет к твоему дню рождения. Говорят, почта отсюда до Штатов доходит за неделю, но если подумать о расстоянии, которое должно преодолеть письмо, то лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

С днем рождения, Месси!

Тринадцать лет, поверить не могу! Я помню, как ты родилась. На самом деле я помню только, как дедуля повел нас в кафе «Бригамс» есть мороженое. Я получил два шарика со вкусом ириски в сахарном розжке, и это дурацкое мороженое упало, дедуля сказал: «О, черт», а потом принес мне новую порцию. Не знаю, хорошо ли ты помнишь дедулю, ты была совсем маленькой, когда он умер, но мы считали его очень классным. Перед отъездом бабуля подарила мне его гарвардское кольцо, но нам не разрешают носить украшения, поэтому я храню его в нагрудном кармане бронежилета. Это не очень умно, ведь если меня разнесет на куски, то кольцо потеряется навсегда, но мне нравится держать его рядом с сердцем. Почему-то это помогает чувствовать себя в безопасности, банально, но, Месси,

ты не поверишь, что здесь считают талисманом на удачу: некоторые ребята носят кресты или звезды Давида, другие – кроличьи лапки, у одного парня ключ от велосипедного замка его девушки, у другого – туз пик, который помог ему выиграть в покере в ночь перед отправкой. А у меня дедушкин гарвардский перстень, которым я не хвастаюсь, а то парни могут подумать, будто я пытаюсь похвалиться своей родословной. Я пытаюсь объяснить, что ребята носят с собой вещи, которые, по их мнению, обладают магической силой или те, что напоминают, почему они хотят остаться в живых.

Среди нас есть прирожденные выживальщики, и это здорово, потому что нашу роту бросили в самую гущу событий. Здесь, в роте «Чарли», у меня появились два настоящих друга – Жаб и Щен (на самом деле Фрэнсис и Джон). Другие ребята называют нас Зоопарком, потому что у всех нас животные клички, но они завидуют тому, какие мы крутые. Мы втроем устраиваем дурацкие соревнования, например: кто больше подтянется на ветке дерева, кто выучит самые грязные слова на вьетнамском языке и кто быстрее выкурит целую сигарету, не вынимая ее изо рта. Жаб – негр (ой, что сказала бы бабуля?) из Миссисипи, а Щен – до того светлокожий блондин, что смахивает на альбиноса. Лучшее бы прозвать его Каспером или Призраком, но эти клички уже заняты другими парнями полка, а так как Джон – самый младший во взводе, он стал Щеном. Щен

родом из Линдена, Вашингтон, это у самой границы с Канадой, малиновый рай, по его словам: куда ни взглянешь – кусты и кусты, и все усеяны спелыми сочными ягодами. Щен скушает по малине, Жаб – по маминому капустному салату, а я – по мороженому «Бригамс». Вот такая у нас разношерстная компания, ну или, если угодно, солянка, с разных концов нашей великой страны. Я люблю ребят всем сердцем, пусть мы и знакомы всего несколько недель. Втроем мы чувствуем себя неуязвимыми, сильными, – и, Месси, ненавижу говорить такое, но я точно самый сильный из нас. Сначала я думал, это из-за того, что тренер Бевилаквэ вечно заставлял всю команду бегать спринты и взбираться по ступеням до самого верха стадиона, но эти упражнения делают тебя сильным снаружи, а чтобы выжить, надо быть жестким изнутри. Приходит твоя очередь занять позицию, идти в караул, и надо быть смелым, то есть по-настоящему смелым, потому что с большой вероятностью ты станешь первым, кто столкнется с чарли⁷. Если нарвешься на вражеский огонь, получишь пулю. Когда я впервые вел роту, мы двигались по тропе в джунглях, москиты ревели как львы, была глубокая ночь, а сзади к нам подкрались партизаны и перерезали глотку Риччи, который замыкал колонну. Мы вступили в перестрелку, Акосту и Кельца ранили. Я выбрался,

⁷ Чарли – прозвище вьетнамских партизан, произошедшее от сокращения VC (Viet Cong), которое в военном алфавите звучит как «Виктор Чарли» (Victor Charlie).

отделавшись двумя десятками комариных укусов.

Я слышал, в других подразделениях приглашают мозгоправов, чтобы разобраться с беспорядком в головах. Если мы отправляемся на задание, почти наверняка один из нас гибнет. Кто именно – вопрос везения, все равно что какую утку ты подстрелишь из водяного пистолета в ярмарочном аттракционе. В Бруклине я учил детей водить, знал, что где-то идет война, смотрел репортажи по телевизору с тобой, мамой и папой, слышал подсчеты погибших, но не чувствовал, что все это настоящее. Теперь я здесь и война слишком реальная. Каждый день требует стойкости; должен сказать, я не понимал толком, что значит это слово, пока не попал сюда.

Ночью, когда я стою на вахте или пытаюсь заснуть, но при этом не потерять бдительность, то размышляю, на кого в семье похож больше всего. Чья ДНК сохранит мне жизнь? Сначала я думал, наверное, дедулина, потому что он был успешным банкиром, или отца, ведь он служил лейтенантом в Корее. Но потом знаешь, что я понял? Самый жесткий человек в нашей семье – бабуля. Она, наверное, самый жесткий человек во всем мире. Я бы поставил нашу бабушку против любого вьетконговца или любого из моих командиров.

Знаешь, как она смотрит на тебя, если разочарована? Словно ты и тупфли ей вылизать недостойн. Или говорит этим своим голосом: «И что я теперь должна думать о тебе, Ричард?» Наверняка ты знаешь, именно поэтому с ужасом ожидаешь поездку

на Нантакет. Если это поможет тебе чувствовать себя не такой жалкой, помни: те черты характера бабули, которые повергают тебя в отчаяние, в то же время помогают выжить твоему брату.

Я люблю тебя, Месси. С днем рождения.

Тигр

Вечером перед отъездом на Нантакет Джесси с родителями сидит за кухонным столом и таскает из картонной коробки куски пиццы – у Кейт за сборами не осталось времени на готовку, – и тут раздается стук в дверь. Джесси, Кейт и Дэвид застывают, как в игре в статуи. Внезапный стук в дверь в половину восьмого вечера значит, что... Джесси мгновенно представляет двух офицеров: как они стоят на ступеньках, держат в руках фуражки и готовы сообщить новость, которая разобьет ее семью. Кейт никогда не оправится; у Блэр, наверное, начнутся преждевременные роды; Кирби устроит спектакль, станет громко обвинять Роберта Макнамару, Линдона Джонсона и своего самого заклятого врага, Ричарда Милхуса Никсона. А Джесси – как насчет нее? Она может только представить, что растворится, как таблетки «Алка-Зельцер», которые отец бросает в воду по ночам, работая над сложным делом. Она превратится в прах, и ее развеет ветер.

Дэвид с мрачным лицом встает из-за стола. Биологически он Тигру не отец, но занял его место, когда Тигр был маленьким мальчиком, и, по мнению Джесси, отлично справился. Дэвид худой (его любимая игра – теннис, Экзальта беспоко-

ится, что на этом его достоинства и заканчиваются), а Тигр – высокий и широкоплечий, вылитый лейтенант Уайлдер Фолли. Дэвид – адвокат, но не из тех, кто только и знает, что кричать в зале суда. Он спокойный и взвешенный, всегда советует Джесси сначала думать, а потом говорить. Дэвид и Тигр очень близки, порой это даже похоже на нежность, и Джесси готова побиться об заклад, что по пути к двери у Дэвида внутри все обрывается.

Кейт хватается Джесси за руку и сжимает. Джесси глазеет на оставшуюся в коробке половину пиццы и думает, что если Тигр погиб, то никто из них больше никогда не сможет проглотить ни кусочка пиццы, и это просто ужас, ведь пицца – любимая еда Джесси. Потом у нее проскальзывает еще более неприличная мысль: если Тигр погиб, ей не придется ехать на Нантакет с мамой и Экзальтой. Ее жизнь пойдет кувырком, но вот лето будет в каком-то смысле спасено.

– Джесси! – раздосадованно зовет отец. Она встает из-за стола и мчится к выходу.

Дэвид придерживает распахнутую входную дверь. Снаружи, на крыльце, освещенные фонарем, стоят Лесли и Дорис.

– Я сказал твоим подружкам, что мы ужинаем, – бросает Дэвид, – но завтра ты уезжаешь, поэтому даю вам пять минут. Они пришли попрощаться.

Джесси кивает.

– Спасибо, – шепчет она и видит, как на лице отца проступает облегчение.

Нехорошо, что их ужин прервали, но лучше по такой причине, чем по той, которой они все время боятся.

Джесси выходит на крыльцо.

– Пять минут, – повторяет Дэвид и закрывает за ней дверь.

Джесси ждет, пока ее пульс успокоится.

– Вы гуляли? – спрашивает она. Лесли живет в шести кварталах, Дорис – примерно в десяти.

Дорис кивает. Выглядит она, как обычно, мрачно. Очки с толстыми стеклами съехали на кончик носа. Разумеется, на ней расклешенные джинсы с вышитыми на передних карманах цветочками. Дорис не вылезает из этих джинсов. Но в качестве уступки жаре она дополнила их крохотным белым топом, очень миленьким, но испорченным пятном кетчупа на самом видном месте. Отец Дорис владеет двумя франшизами «Макдоналдса», и она постоянно ест гамбургеры.

Воздух благоухает, в окружающих дорогу деревьях порхают светлячки. Ох, как же Джесси хочется на все лето остаться в Бруклине! Ездить на велосипеде в загородный клуб с Лесли и Дорис, а под вечер они могли бы покупать фруктовый лед. Могли бы зависать в магазинах на Кулидж-Корнер и притворяться, что случайно натыкаются на мальчишек из школы. Кирби сказала Джесси, что именно этим летом ее ровесники наконец-то пойдут в рост.

– Мы пришли сказать тебе *bon voyage*, – говорит Лесли. Она зыркает через плечо Джесси – удостовериться, что за дверью никто не подслушивает, – и продолжает тише: – А

еще у нас новости.

– Целых две, – добавляет Дорис.

– Во-первых, – сообщает Лесли, – они начались.

– Они, – повторяет Джесси, хотя и понимает, что Лесли имеет в виду месячные.

Дорис кладет руку себе на низ живота.

– У меня болел живот, – говорит она. – Так что, думаю, я следующая.

Джесси не знает, что сказать. Как отреагировать на новость, что одна из лучших подруг сделала первый шаг навстречу женственности, в то время как сама Джесси все еще сущий ребенок? Она так жутко ревнует, потому что с тех пор, как в прошлом месяце школьная медсестра провела «беседу», тема менструации стала преобладать в их болтовне. Джесси так и думала, что Лесли станет первой из них, у кого начнутся месячные, потому что она наиболее развита. У нее уже выросла маленькая упругая грудь, и подруга носит спортивный бюстгальтер, в то время как Джесси и Дорис плоские, как гладильная доска. Джесси завидует, страстно желает того же и порой тревожится – она слышала историю о девочке, у которой так никогда и не началась менструация, – хотя сама понимает, как это глупо. Обе старшие сестры Джесси стонут по поводу своих месячных. Кирби зовет их «проклятием», что в ее случае вполне оправданно, ведь всякий раз она страдает от мигрени и изнурительных спазмов, которые приводят ее в ярость. Блэр более деликатно от-

зывается о цикле, хотя сейчас это для нее не проблема – она беременна.

«Лесли может забеременеть», – думает Джесси, и эта мысль почти вызывает смех. Ей хочется прервать разговор, вернуться в дом и доесть пищу.

– А вторая новость? – спрашивает она.

– Вот, – говорит Лесли и вытаскивает из-за спины плоский, квадратный, тщательно упакованный подарок. – С днем рождения!

– Ой, – ошеломленно восклицает Джесси. Как все, кто празднует день рождения летом, она давно уже не надеется на нормальные поздравления от одноклассников. Джесси принимает подарок, сразу понимая, что это пластинка.

– Спасибо.

Она бросает взгляд на Лесли, затем на Дорис, которая все еще держится за живот с воображаемой болью, а затем срывает оберточную бумагу. Это альбом «Clouds» Джони Митчелл, как Джесси и мечтала. Она одержима песней «Both Sides, Now». Это самая прекрасная песня в мире. Джесси готова слушать ее каждую секунду каждого дня до самой смерти, и ей не надоест.

Она обнимает Лесли, а за ней Дорис, которая говорит:

– Мы купили его в складчину.

Это заявление предполагает вторую благодарность, Джесси высказывает ее непосредственно Дорис. Она рада, что подруги по-честному купили альбом, потому что за две неде-

ли, которые минули с окончания школы, все трое совершили несколько краж в магазинах.

Лесли стащила два розовых ластика и коробку мелков в «Ирвинге», Дорис украли вчерашний яичный рогалик в кошерной пекарне, а Джесси, поддавшись невероятному натиску подруг, стянула тушь «Мейбеллин» из «Вулвортса» на Кулидж-Корнер, и это был крайне рискованный поступок, ведь в «Вулвортсе», по слухам, установлены скрытые камеры. Джесси знает, воровать плохо, но Лесли взяла ее на слабо, и Джесси почувствовала, что на карту поставлена ее честь. В день, когда настала ее очередь, Джесси вошла в «Вулвортс» напуганной, жутко напуганной, уже придумывала извинения для родителей, решила свалить вину за проступок на стресс, вызванный призывом брата на службу. Но, выйдя из магазина с тушью, надежно запрятанной в карман оранжевой ветровки, ощутила прилив адреналина, который, по ее мнению, напоминал наркотический кайф. Она чувствовала себя великолепно! Она чувствовала себя сильной! Она была так опьянена, что остановилась на заправке на углу Бикон и Гарвард, зашла в дамскую комнату и нанесла тушь прямо там, у тусклого зеркала.

Менее захватывающая часть истории заключалась в следующем: как только Джесси вошла в дом, Кейт обнаружила тушь, и за этим последовал допрос испанской инквизиции. Что это на глазах Джесси? Неужели тушь? Где она взяла *тушь*? Джесси придумала единственный правдоподобный

ответ: это косметика Лесли. Джесси изо всех сил молилась, чтобы Кейт не позвонила матери Лесли, ведь если та спросит об этом дочь, то пятьдесят на пятьдесят, что подруга не станет покрывать Джесси.

В общем, Джесси ощущает облегчение от того, что ей не вручили ворованную пластинку. Если мама узнает о магазинных кражах, то навсегда лишит Джесси общества Лесли.

– Когда вернешься? – спрашивает та.

– На День труда, – отвечает Джесси. А до него будто еще целая вечность. – Пишите мне. У вас же есть адрес?

– Угу, – подтверждает Дорис. – Я уже отправила тебе открытку.

– Уже? – удивляется Джесси. Она тронута этим неожиданным проявлением доброты от ворчуньи Дорис.

– Мы будем скучать, – говорит Лесли.

Джесси прижимает пластинку к груди и машет на прощание, а потом возвращается в дом. И пусть она не первая, у кого начались месячные, а может, даже не вторая, но это неважно.

Подруги любят ее – купили то, что она очень хотела, – и, что важнее, брат до сих пор жив. В этот краткий миг, в самом конце своего двенадцатого года жизни, Джесси Левин счастлива.

Рано утром в дверь спальни Джесси негромко стучат. Отец заглядывает внутрь.

– Уже проснулась? – спрашивает он.

– Нет, – отвечает Джесси и натягивает одеяло на голову. Вчерашнее чувство легкости исчезло. Джесси не хочет ехать на Нантакет. И даже не хочет рассматривать ситуацию «с другой стороны».

Есть только одна сторона, а именно: без брата, сестер, а в перспективе и без мамы Нантакет станет сущим адом.

Дэвид садится рядом на постель. Он одет в темно-синий легкий летний костюм, белую рубашку и галстук в широкую оранжевую и синюю полоску. Курчавые темные волосы уложены, а пахнет отец работой, то есть лосьоном после бритья «Олд Спайс».

– Эй, – окликает он, откидывая одеяло. – С днем рождения!

– Можно я просто останусь с тобой и буду приезжать на остров на выходные? – просит Джесси.

– Солнышко.

– Ну пожалуйста!

– Все будет хорошо. Просто здорово. Это особенное лето. Тебе тринадцать. Ты стала подростком, выйдешь из тени брата и сестер...

– Мне хорошо у них в тени.

Прошлым летом Кейт заставила сестер и брата по очереди развлекать Джесси. Блэр всегда водила ее на Клиффсайд-бич. Они покупали в «Камбузе» хот-доги и фраппе, а потом тщательно наносили автозагар «Копперстоун», Блэр листала страницы романа Джона Апдайка «Супружеские па-

ры» про обмен женами, зачитывая Джесси вслух скандальные отрывки. Апдайк очень любил слово «возбуждение», и когда Блэр впервые прочитала его, то посмотрела на Джесси поверх страниц и спросила:

– Ты ведь знаешь, что это значит?

– Ну да, – ответила Джесси, хотя не имела ни малейшего представления.

Блэр отложила книгу и выдала:

– Не надо испытывать отвращение к сексу. Это совершенно естественно. Мы с Ангусом занимаемся сексом каждый день, иногда дважды.

Такая новость одновременно заинтриговала и оттолкнула Джесси, некоторое время она даже смотреть на Ангуса не могла. Тот был на десять лет старше Блэр и так погружен в науку, что не успевал расчесывать темную взлохмаченную шевелюру. Он всегда размышлял над математическими задачами. Бабуля обожала его до такой степени, что во время визитов в особняк «Все средства хороши»⁸ разрешала занять кожаное кресло дедули за антикварным столом. Ангус редко ходил на пляж, потому что ненавидел песок и мгновенно обгорал на солнце.

Джесси претила мысль о неумном сексуальном аппетите Ангуса. Блэр была такой красивой и умной, что могла заполучить любого мужчину, какого пожелает, но вышла за-

⁸ Название особняка – часть пословицы «В любви и на войне все средства хороши» (англ. All's Fair in Love and War).

муж за Ангуса и забросила преподавание английского в женской школе Уинсор, чтобы заняться домашним хозяйством. Теперь она поклонялась Джулии Чайлд и носила пышные платья от Лилли Пулитцер, но на пляже больше смахивала на дерзкую бекситтершу, чем на почтенную старшую сестру. Блэр курила «Кент», прикуривая серебряной зажигалкой от Тиффани, на которой было выгравировано любовное послание от младшего брата Ангуса, Джоуи, с которым Блэр встречалась до мужа. Она подкрашивала губы каждый раз, выходя из воды, и бесстыдно флиртовала со спасателем Марко родом из Рио-де-Жанейро. Блэр знала несколько фраз на португальском. Она была гламурной.

Кирби тоже водила Джесси на пляж, но предпочитала южное побережье, где тусили серферы и хиппи. Сестра чуть-чуть спускала шины огненно-красного «Интернешенал-Харвестер-Скаут», который бабушка купила для поездок по острову, и они рулили прямо на Мадэквечем-бич, где любой солнечный день становился поводом для праздника. Люди играли в волейбол, выуживали банки пива из оцинкованных бочонков со льдом, а воздух пах марихуаной. Кто-нибудь непременно приносил транзисторный радиоприемник, и они слушали The Beatles, Creedence и любимую группу Кирби Steppenwolf.

По мнению Джесси, красотой Кирби даже превосходила Блэр. Волосы у нее были длинные и прямые, Блэр обладала роскошными формами, а Кирби была тонкой, как стре-

ла. Серферы в мокрых гидрокостюмах, которые сползали с их торсов подобно облезавшей коже, закидывали Кирби на плечи и бросали в волны. Она протестующе вопила, но Джесси знала: на самом деле сестре это нравилось и, в отличие от Блэр, Кирби не волновало, как она выглядит, вылезая из воды. Сестра не красилась и сушила на солнце блондинистые волосы, не расчесывая. Вместо сигарет Кирби курила траву, но, когда присматривала за Джесси, позволяла себе только две затяжки; таково было ее правило. По ее словам, две затяжки расслабляли и эффект всегда проходил к моменту возвращения во «Все средства хороши».

Дни, которые Джесси проводила с Тигром, были полны приключениями. Они ездили на мотоциклах к пруду Мэкомет ловить рыбу, взбирались на Алтарь-Рок, самую высокую гору Нантакета, и стреляли из картофельной пневмопушки Тигра. Но больше всего они любили боулинг. Тигр с двенадцати лет слыл легендой боулинга «Мид-Айленд». Его знали все завсегдатаи, приходили посмотреть на игру и покупали Джесси безалкогольное березовое пиво, которое она с удовольствием смаковала, потому что Экзальта не признавала никакой газировки, кроме имбирного эля с гренадином в клубе, и даже тогда Джесси разрешалась только одна порция.

Мастерство Тигра в боулинге было удивительным, потому что играли они только на Нантакете и только во время дождя. Экзальта категорически отказывалась оставлять детей в помещении в прекрасные летние дни. Когда Тигр стал до-

статочно взрослым, чтобы водить машину, он, конечно, мог играть в боулинг в любое время. В те дни, когда Тигр отвечал за Джесси, он брал ее с собой в клуб тайком от Экзальты, что приводило обоих в еще больший восторг. Брат выстраивал шар в одну линию с кеглями, а затем позволял тому вылететь из пальцев, поднимая отставленную назад ногу, словно в танце. Тигр был грациозен, силен и точен. Чаще всего он сметал все кегли одним махом, словно крошки со стола. Джесси надеялась и молилась, что данный брату богом талант окажется наследственным и ей тоже перепадет, но не повезло: шары Джесси отклонялись то вправо, то влево и по крайней мере в половине случаев сваливались в желоб.

Джесси пытается вообразить себе лето на Нантакете без брата и сестер.

Она будет слоняться вокруг «Все средства хороши» с заданной на летнее чтение книгой «Дневник Анны Франк» – и все. Ну еще уроки тенниса, на которых настаивает бабушка, хотя Джесси теннис не интересуется от слова «совсем». Она не настолько избалована, чтобы назвать перспективу провести лето на Нантакете тоскливой, но почему, ох, почему нельзя просто остаться дома?

Ее отец, сидя на постели, вытаскивает из кармана пиджака маленькую коробочку.

– В еврейской традиции тринадцатилетие – особый праздник, – говорит он. – У меня была бар-мицва, но так как мы не растили тебя иудейкой, то не будем проводить эту цере-

монию. – Он делает паузу и на мгновение отводит взгляд. – Но я хочу отметить важность этой даты.

Джесси садится и открывает коробочку. Внутри серебряная цепочка с круглым медальоном размером с четвертак. На нем выгравировано дерево.

– Древо жизни, – объясняет Дэвид. – В каббале древо жизни – символ ответственности и зрелости.

Ожерелье чудесно. И Джесси любит отца больше всех на свете, даже больше Тигра, хотя и знает, что любовь нельзя измерить. Она питает к отцу несколько покровительственные чувства, ведь у Джесси есть кровная связь со всеми членами семьи, а у Дэвида – только с ней самой. Ей интересно, думает ли папа иногда об этом, чувствует ли себя чужаком. Она в восторге, что он решил особо отметить связующие их узы. Джесси слышала: для того чтобы считаться «настоящей» еврейкой, надо, чтобы еврейкой была мать, и если все так, то Джесси не проходит этот тест. Однако она ощущает родство с отцом – нечто духовное, нечто большее, нежели обычная любовь, – пока застегивает замочек и опускает прохладный тяжелый медальон на грудь. Интересно, думает она, у Анны Франк был медальон с древом жизни? Если и был, Анна, наверное, спрятала его с остальными семейными ценностями, чтобы не достался нацистам.

– Спасибо, папа.

Дэвид улыбается.

– Я буду скучать по тебе, малышка. Станем видеться на

ВЫХОДНЫХ.

– Думаю, раз уж я теперь должна быть ответственной и зрелой, хватит жаловаться на отъезд, – решает Джесси.

– Уж пожалуйста. И знаешь что? Когда я приеду на остров, мы пойдем в кафе «Свит Шоп», купим тебе два шарика «малахитовой крошки» и ты сможешь жаловаться на бабушку сколько захочешь. Идет?

– Идет, – кивает Джесси, и в этот краткий миг, в самом начале своего тринадцатилетия, Джесси Левин счастлива.

Born to Be Wild

9

Разговор не клеится, но нет ничего удивительного в том, что летом шестьдесят девятого года беседа двадцатиоднолетней девушки с родителями идет наперекосяк.

– Но мне нужен простор! – восклицает Кирби. – Свобода! Я взрослая! Мне пора самой принимать решения!

– Ты сможешь называть себя взрослой и принимать решения, когда сама станешь оплачивать свои расходы, – говорит Дэвид.

– Я уже говорила, – парирует Кирби, – что нашла работу. И далеко не уеду: всего лишь на соседний остров.

– Об этом не может быть и речи, – обрывает ее Кейт. –

⁹ «Born to Be Wild» (1968) – песня, вошедшая в дебютный альбом группы Steppenwolf, символ независимости и свободы.

Тебя дважды арестовывали. Арестовывали, Катарина!

Кирби вздрагивает. Мать употребляет ее полное имя, только если хочет, чтобы аргументы звучали по-настоящему сурово.

– Но ведь в тюрьму не посадили.

– Зато оштрафовали, – напоминает Дэвид.

– Без всякой причины! – восклицает Кирби. – Можно подумать, бостонская полиция в жизни не слышала о свободе собраний.

– Наверное, ты как-то спровоцировала офицера, – предполагает Дэвид. – Что-то сделала, о чем не рассказала нам.

«Ну, в общем, да, – думает Кирби. – Так и было».

– И нам пришлось соврать твоей бабушке, – добавляет Кейт. – Если Экзальта узнает, что тебя арестовывали – да еще дважды, – она...

– Отберет мой трастовый фонд? – перебивает Кирби. – Мы отлично знаем, что это невозможно.

Кирби получит контроль над своим трастовым фондом, когда окончит колледж или достигнет двадцатипятилетия, в зависимости от того, какое из событий наступит раньше. Только поэтому она и продолжает учиться в Симмонсе.

Дэвид вздыхает.

– Так что за работа?

Кирби одаривает родителей победной улыбкой.

– Я устроилась горничной в «Ширтаун Инн» в Эдгартауне.

– Горничной? – восклицает Кейт.

– Да ты свою комнату убрать не можешь, – вторит Дэвид.

– Ты преувеличиваешь, – возражает Кирби. Она говорит с горячностью и энтузиазмом, потому что знает: это убедительнее, чем гнев или возмущение. – Послушайте, да, я раньше не работала. Но только потому, что все свободное время была занята.

– Ты тратила на свои занятия все наше свободное время, – говорит Кейт, еле заметно закатывая глаза.

– Особенно папино, – раздражается Кирби. – Помнишь, когда я была в старших классах? Вы даже не хотели, чтобы я шла маршем с доктором Кингом. Сказали, будто я слишком маленькая!

– Ты и была слишком маленькой! – напоминает Кейт.

– На самом деле ты считала, что я слишком белая!

– Не надо приписывать мне мысли, юная леди!

– Больше никто никогда не сможет пройти маршем с доктором Кингом, – выпаливает Кирби. – Так что это воспоминание по-настоящему бесценно, а вы чуть не оставили меня без такого опыта. Я все время держалась возле мисс Карпентер, ничего плохого не должно было случиться. Весь смысл в мирном протесте! А этой весной антивоенные акции стали другими, потому что страна сейчас другая. Такие студенты, как я, – враги истеблишмента, но вы оба должны радоваться, что я думаю самостоятельно, а не просто следую за толпой! – Кирби делает паузу. Она видит, что Дэвид немного смягчил-

ся, но мать остается непреклонной. – Я хочу этим летом поработать, а после выпуска заняться карьерой. Я хочу быть не только женой и матерью. Не желаю закончить, как... Блэр.

– Поаккуратнее, – предупреждает Кейт. – Материнство – это благословение.

– Но согласишься...

Кирби обрывает себя, не успев высказать неприятное мнение о старшей сестре. Блэр и Кирби уже давно прозвали «отличницей» и «отстающей». (Окей, никто не высказывается подобным образом вслух, но Кирби знает, что мнение о них сложилось именно такое.) Блэр всю среднюю школу училась на одни пятерки и поступила в женский гуманитарный колледж Уэлсли, где каждый семестр за академические успехи попадала в список декана. Она получила награду за отличную учебу на факультете английского языка, а ее дипломная работа об Эдит Уортон была отмечена каким-то особым знаком отличия комиссией, состоящей из профессоров всех колледжей ассоциации «Семь сестер». Блэр получила работу преподавателя для девочек старших классов в школе Уинсор – такая вакансия открывалась примерно раз в пятьдесят лет. Оттуда было рукой подать до аспирантуры и должности профессора. Но что сделала Блэр? Вышла замуж за Ангуса, бросила работу и забеременела.

– Согласиться с чем? – переспрашивает Кейт.

«Что ты разочарована Блэр», – думает Кирби. Но это неправда.

Кирби – вот истинное разочарование.

Ее так и подмывает признаться родителям, рассказать, что пережила худшие три месяца своей жизни как физически, так и эмоционально. Ей нужно стереть из памяти протесты, аресты, роман с офицером Скотти Турбо, поездку на озеро Уиннипесоки. Она устала от страха, тревоги, разбитого сердца и стыда.

Ей нужно начать с чистого листа.

Она обращается к Дэвиду, который всегда более сочувственно относился к ней, нежели мать.

– Я бездельничаю на уроках в Симмонсе, потому что мне скучно. Я не хочу изучать библиотечное дело, и мне неинтересно работать воспитательницей в детском саду.

– А убирать гостиничные номера интересно? – спрашивает Дэвид.

– Я хочу работать, – восклицает Кирби. – И мне случайно попала именно эта вакансия. – На этом месте она опускает взгляд, потому что не совсем честна.

– Но ты же никого не знаешь на острове Виноградник Марты, – замечает Кейт. – Мы все с Нантакета. Ты, я, бабуля, мама бабули, бабушка бабули. Ты пятое поколение Нантакета, Катарина.

– Вот этот подход «мы против них» и разрушает нашу страну! – горячится Кирби. Дэвид смеется, и она понимает, что добьется своего. – Если я проведу лето в новом месте, это будет познавательно. Помнишь мою школьную подругу

Раджани? У ее родителей дом в городке Оук-Блаффс, они сказали, я могу пожить с ними.

– Все лето жить с семьей Раджани? Это уж как-то слишком. – Дэвид поворачивается к Кейт. – Разве нет? Семья Раджани не должна все лето привечать и кормить нашу дочь.

– Вот именно, – подтверждает Кейт. – Кирби должна отправиться на Нантакет, где ей и место.

– В паре кварталов от особняка Раджани есть дом, я нашла его по объявлению. Они сдают шесть спален, отдают предпочтение студенткам колледжа. Сто пятьдесят долларов за лето.

– Так-то лучше, – кивает Дэвид. – Мы можем заплатить за аренду, но на ежедневные расходы будешь зарабатывать сама.

– Ой, спасибо! – восклицает Кирби.

Кейт скидывает руки.

Кирби и ее лучшая подруга из Симмонса, Раджани Патель, едут в Вудз Хоул на темно-бордовом MG¹⁰ Раджани с опущенным верхом. Кирби сняла на лето комнату в доме на Наррагансетт-авеню. Она дала родителям номер телефона и имя хозяйки дома, мисс Элис О’Рурк.

«Думаю, хозяйка – ирландская католичка, – заметил Дэвид. – Будем надеяться, она всех держит в ежовых рукавицах».

Когда подруги съезжают на MG с парома в Оук-Блаффс,

¹⁰ MG Cars – британская автомобилестроительная фирма.

Кирби в знак благодарности складывает руки перед грудью в молитвенном жесте. Она начинает жизнь с чистого листа в совершенно новом месте.

Ну ладно, может быть, не в совершенно новом. Она все еще на острове у побережья Кейп-Код; от Нантакета ее отделяет всего одиннадцать миль по прямой. Она могла бы уехать в бедный район Филадельфии, чтобы работать с неблагополучной молодежью. Или кататься по сельской Алабаме, регистрируя избирателей. Так что это только первый шаг, но он пойдет ей на пользу.

Раджани с удовольствием изображает гида.

– Это – Оушен-парк, – кивает она на огромную зеленую поляну с белой беседкой в самом центре. – А слева – карусель «Летающие лошади» и кинотеатр «Стрэнд».

Кирби вертит головой, пытаясь все ухватить. В городе царит карнавальная атмосфера, чуть больше ожидаемого отдающая дешевым балаганом. Кирби рассматривает карусель – это, по словам Раджани, самая старая действующая платформенная карусель в стране, – а затем переводит взгляд на тротуары, кишашие людьми, которые едят жареных моллюсков из пестрых красно-белых картонных лодочек и облизывают рожки с мягким мороженым. В городе действительно царит обещанное Раджани разнообразие, и это как глоток свежего воздуха. Мимо проезжает чернокожий подросток на одноколесном велосипеде. Где-то по радио играет песня группы Fifth Dimension «The Age of Aquarius». Кирби покачива-

ет головой в такт музыке. Это рассвет чего-то и для нее. Но чего?

– Мы живем в методистском кемпинге, – сообщает Раджани, и Кирби сдерживает гримасу. Ей приходит в голову, что хуже, чем жить в кемпинге, – только жить в религиозном кемпинге. Но кемпинг оказывается районом, дома в котором выкрашены в цвета пасхальных яиц и украшены искусной пряничной отделкой.

– Вон тот мой, – указывает Раджани на особняк цвета лаванды с острым треугольным фронтоном над входной дверью; белая лепнина стекает с карниза, как глазурь с шикарного торта. Это сказочный домик, особенно по сравнению с архитектурой центра Нантакета, где каждое здание напоминает квакерскую вдову.

– Посмотри на тот, голубой, – ахает Кирби.

Здание голубого цвета вниз по улице просто восхитительно. Оно в два раза больше дома Раджани, над изящным крыльцом с качелями и рядом папоротников в подвесных корзинах – два фронтона. По обеим сторонам ведущей к дому дорожки растут кусты голубой гортензии, а пряничная отделка напоминает сосульки, – по крайней мере, так кажется Кирби.

– Это дом моего друга Даррена, – объясняет Раджани. – Он скоро выпустится из Гарварда. Хочешь, заглянем – вдруг он дома?

– Не стоит, – смущается Кирби.

– Идем, – зовет Раджани. – Ты же хочешь познакомиться с местными? Автомобиля не видно, но он мог загнать его в гараж. У Даррена отличные родители. Мать – доктор, а отец – судья.

Доктор и судья. Гарвард. Кирби представляет, как обрадуются бабуля и мама. Она знакомится с правильными людьми, совсем как на Нантакете, где буквально каждый – судья, или доктор, или гуру по идеальным манерам и непринужденной снисходительности.

– Ладно, – соглашается Кирби. Открытку маме можно отправить и позже, заодно упомянув всех уважаемых людей, с которыми она познакомилась на Винограднике Марты. – Идем поздороваемся.

Раджани поднимается по дорожке и звонит в дверь. Кирби размышляет о Даррене из Гарварда. Было бы здорово завести летний роман, роман, в котором она, Кирби, командует парадом, а не приходит в себя после нервного срыва. Хорошо бы перестать думать об офицере Скотти Турбо с его губительными зелеными глазами, татуировкой гейши и сильными руками, которые могли прижать оба ее запястья над головой, пока он целовал местечко чуть ниже левого уха.

Дверь открывает черная женщина в белом теннисном платье. На ее руках рельефные мышцы, на лбу блестят капельки пота. Волосы собраны в хвост, в ушах блестят бриллиантовые серьги. Она смотрит на обеих девушек – женщин! – но узнает Раджани и улыбается.

– Раджани! Вот теперь официально началось лето.

Поначалу Кирби сконфужена. Она гадает: «Горничная? Экономка? В теннисном платье и бриллиантовых серьгах?» А затем, мгновением позже, поражается собственной тупости и – скажем прямо – ханжеству. Эта женщина, должно быть, мать Даррена, доктор.

Хозяйка дома распахивает дверь. Раджани заходит внутрь, Кирби следует за ней. Дом яркий, летний и современный.

В гостиной справа – диван в темно-синюю и белую полоску с ярко-желтыми подушками и белый журнальный столик в форме фасолины. Кирби это нравится. В доме бабули нет ни одного предмета обстановки, которому было бы меньше ста лет.

– Доктор Фрейзер, – говорит Раджани, – познакомьтесь с моей подругой Кирби Фоли.

Доктор Фрейзер протягивает руку.

– Приятно познакомиться, Кирби.

Хозяйка изучает гостью на секунду дольше обычного. Или Кирби просто параноит? Она выглядит респектабельно, на ней запахивающаяся юбка с клубничным принтом, белая футболка с круглым вырезом и туфли «Доктор Шольс». Она отказалась от привычных мини-платьев, крестьянских блузок и обрезанных джинсов в пользу этого наряда, потому что хотела произвести хорошее впечатление на хозяйку, мисс О’Рурк. Кирби замечает сомнение на лице доктора Фрейзер.

Это из-за того, что Кирби белая?

Неужели ей следует сообщить, что она активистка движения за гражданские права и феминистка, маршировала с доктором Мартином Лютером Кингом – младшим плечом к плечу со своей любимой школьной учительницей общественного знания мисс Карпентер и лично защищала последнюю от расовых оскорблений невежественных одноклассников? Должна ли она показать доктору Фрейзер членский билет Национальной организации женщин? Следует ли упомянуть, что читала Симону де Бовуар, Эме Сезера и Элдриджа Кливера?

Все это будет звучать как хвастовство, опасается Кирби, или, того хуже, как попытка присвоить себе борьбу афроамериканцев за права и уважение, ведь все видят, что сама она белая, словно свежая булочка. Кроме того, Кирби немного преувеличивает: она честно читала Эме Сезера, но едва ли поняла хоть одно слово. Кирби решает, что лучшая защита – это искреннее человеческое тепло. Она улыбается доктору Фрейзер и в этот момент понимает, что уже видела хозяйку дома раньше. Но где?

Доктор Фрейзер не работает в Симмонсе, но все же... Кирби где-то ее встречала.

– Ты приехала на пару дней или на все лето? – спрашивает доктор Фрейзер.

– На все лето, – отвечает Кирби, надеясь, что заработала очко в свою пользу. – Я снимаю комнату у Элис О’Рурк. Буду работать горничной в «Ширтаун Инн» в Эдгартауне.

– Горничной? – переспрашивает доктор Фрейзер. Она окидывает гостью недоверчивым взглядом. – Откуда ты, Кирби?

Та откашливается.

– Мои родители живут в Бруклине? – Она так нервничает, что ее реплика звучит как вопрос, а не как ответ.

– Обычно Кирби проводит лето на Нантакете, – объявляет Раджани, – но в этот раз решила сменить остров на Виноградник.

– Бруклин и Нантакет, – повторяет доктор Фрейзер. – И ты собираешься убирать номера в «Ширтаун Инн»? Да еще и поселилась у Элис О’Рурк? А твои родители знают?

В ее голосе звучит то ли неодобрение, то ли веселье, Кирби не может определить, что именно. Такое ощущение, что мать Даррена уже все поняла: богатая белая девушка решила ради прикола поиграть в работягу.

Кирби не нужна работа горничной. Фактически она отбирает место у девушки, которой оно действительно требуется. Может, доктор Фрейзер считает, что Кирби выгнали из дома за какой-то проступок.

И тут она вспоминает, откуда знает доктора Фрейзера. Ее лицо жарко вспыхивает, словно от сильного солнечного ожога, а горло перехватывает. Ей нужно срочно убираться отсюда. Но прежде чем Кирби успеваает придумать предлог, Раджани произносит:

– Мы зашли поздороваться с Дарреном. Он дома?

– Пошел с отцом в «Ларсенс» выбрать омаров к ужину, – отвечает доктор Фрейзер. – На острове пробки, так что не знаю, когда они вернутся.

– Ну ладно, – говорит Раджани, – зайдем в другой раз.

– Хорошо, – отвечает доктор Фрейзер. Она колеблется. Кирби уверена, что мать Даррена раздумывает, пригласить их остаться подождать сына или не стоит. Если так, Кирби решает отказаться. – Рада была видеть тебя, Раджани. И приятно познакомиться, Кирби. Надеюсь, остров тебе понравится. – Она держит входную дверь открытой, как будто ей не терпится, чтобы Кирби убралась.

«Она знает, кто я», – понимает Кирби, и ее мечта начать сначала, с чистого листа здесь, на Винограднике Марты, испаряется в мгновение ока.

Fly Me to the Moon

11

«Люди так легко бросаются словами “замужем, есть дети”, будто мелочью швыряются», – думает Блэр. Никто и не заикнется о драме, следующей за супружеством и родительством. Так стоит ли удивляться, что Блэр оказалась застигнута врасплох?

Она познакомилась с Ангусом Уэйленом, профессором МТИ, потому что встречалась с его младшим братом Джоуи. Блэр только выпустилась из Уэлсли, а Джоуи – из Бостонского колледжа. Она преподавала продвинутый курс английского и литературоведение старшеклассницам школы Уинсор. Джоуи мечтал переехать в Нью-Йорк и «заняться бизнесом»,

¹¹ «Fly Me to the Moon» (1954) – традиционная джаз-песня, написанная Бартом Ховардом.

а пока работал капитаном одной из лодок-лебедей в Бостонском общественном саду и жил с Ангусом в Кембридже.

– Мой брат – чокнутый гений, – рассказывал он Блэр. – Сотрудничает с НАСА, работает над высадкой на Луну.

Блэр наострила уши:

– Он астронавт?

Блэр была одержима астронавтами. Пробковую доску на стене своей комнаты в общежитии она обклеила фотографиями Джима Лавелла, Пита Конрада и самого красивого астронавта, Гордона Купера.

– Не совсем, – разочаровал ее Джоуи. – В смысле сам не полетит в ракете. Он делает расчеты, благодаря которым ракета взлетает.

«Ну почти», – подумала Блэр. Если они с Джоуи в конце концов поженятся, у нее будет деверь – почти астронавт!

Хотя Блэр считала себя современной женщиной, мысль о замужестве не выходила у нее из головы. Почти все ее однокурсницы из Уэлсли к моменту окончания учебы были помолвлены. Исключением стала лучшая подруга Блэр, Салли, которая тоже хотела сделать карьеру.

По-настоящему современная женщина, считала Блэр, может иметь и то и другое.

Ей нравился Джоуи. Веселый красавчик, с которым так легко. Разве что слишком уж поверхностен, но, рассуждала Блэр, ее искушенности хватит на обоих.

Джоуи был по уши влюблен в нее, и его энтузиазма хвата-

ло на двоих. Однажды он послал ей охапку алых роз в Уинсор, и администрация решила доставить букет прямо посреди лекции о писательнице Карсон Маккаллерс. Ученицы Блэр просто попадали в обморок, о героине романа «Ученицы свадьбы», Френки, все позабыли, девушки зарывались носами в цветы и вдыхали то, что, как они наивно полагали, было ароматом настоящей любви.

На следующие выходные после такого отвлекающего вручения роз Джоуи пригласил Блэр на прогулку вдвоем на лодке-лебедь. Было начало октября, листья в Бостонском общественном саду ярко пылали. Джоуи доехал до середины пруда, достал бутылку игристого и разлил вино в стаканчики из вощенной бумаги. Они с Блэр пили, болтали и смеялись, пока не опустились сумерки. В какой-то момент начали целоваться, по-настоящему целоваться, лодка-лебедь накренилась сначала в одну сторону, потом в другую. Джоуи отстранился, задыхаясь.

– Пойдем ко мне? – попросил он. – Пожалуйста?

Блэр не хотела показаться легкодоступной, но игристое ударило ей в голову.

– Хорошо, – ответила она, – но ничего не обещаю.

Жилище Джоуи занимало весь первый этаж одного из роскошных особняков на Маунт-Оберн-стрит. Блэр ожидала увидеть холостяцкую берлогу – постеры Джейн Мэнсфилд и Мэрилин Монро, кучи грязного белья, пустые банки из-под пива, – но, когда Джоуи открыл дверь и провел Блэр

внутри, она была приятно удивлена. В прихожей висела картина Эдуарда Мане «Бар в “Фоли-Бержер”» в рамке, а где-то в доме играл Рахманинов.

«Искусство? – изумилась Блэр. – Классическая музыка?»
– Черт, – выругался Джоуи, – мой брат дома.

Войдя в гостиную, Блэр быстро оценила обстановку: персидский ковер, кожаный диван, зеркальный сигарный столик и, что впечатляло более всего, стена с книжными полками от пола до потолка. В дальнем конце комнаты во главе длинного стола сидел мужчина и работал при свете трех массивных свечей. Это и был брат Джоуи, поняла Блэр, Ангус, почти астронавт. Он склонился над блокнотом и что-то яростно строчил. Казалось, Ангус даже не заметил, как они вошли.

Джоуи был заметно возмущен.

– Я думал, ты собираешься на факультетский обед.

Ангус не ответил. «Он работает! – подумала Блэр. – Оставь его в покое». Однако стало ясно, что удалиться в спальню для любовных утех будет невежливо.

– Ангус! – воскликнул Джоуи. – Уходи! Мы хотели бы уединиться.

Брат предупредительно поднял указательный палец, дописывая заметки.

– Все! – Он захлопнул блокнот и, похоже, только потом очнулся. – Кто это «мы»? – удивился Ангус, тут же заметил Блэр и вскочил: – Привет!

Он неуверенно двинулся к госте, как будто та была экзо-

тической птицей и в любой момент могла упорхнуть.

– Вы кто?

За стеклами очков Ангуса, как заметила Блэр, скрывались нежные карие глаза. Ее голова гудела от игристого.

– Блэр Фоли, – представилась она, протягивая руку. – Приятно познакомиться. У вас отличная квартира. На входе я заметила репродукцию Мане, мою любимую картину.

– Вы изучали историю искусств? – спросил Ангус.

– Я думал, ты собираешься на факультетский обед, – настаивал Джоуи.

– Вообще-то литературу, – сказала Блэр, – а именно женщин-романисток. Если быть точной, Эдит Уортон.

– Эдит Уортон, – эхом повторил Ангус.

Блэр приготовилась выложить стандартную краткую биографию Уортон – американская писательница, которая родилась в высших кругах нью-йоркского общества и стала первой женщиной, получившей Пулицеровскую премию по литературе, – ведь многие, особенно мужчины, понятия не имели, кто такая Эдит Уортон. Но внезапно Ангус сказал:

– Я прочитал все ее книги.

– Правда? – Блэр решила, что Ангус над ней смеется. – И какой ваш любимый роман?

Джоуи громко фыркнул – именно такого пренебрежения Блэр обычно и ожидала от мужчин, обсуждая Уортон. Она проигнорировала насмешку.

– «Эпоха невинности». Графиня Оленская противопо-

ставляется незапятнанной лилейно-белой Мэй Велланд, – ответил Ангус.

– Вы действительно его читали! – поразилась Блэр.

– Да. Я же сказал, что прочитал все.

– Конечно. Просто... Джоуи сказал, вы астрофизик.

– Астрофизикам не разрешается наслаждаться Уортон? – язвительно усмехнулся Ангус.

Блэр была ошеломлена. Она почувствовала внезапное родство с ним, будто они оба посетили одну и ту же далекую страну.

Джоуи схватил блокнот брата и поднес к пламени свечей.

– Убирайся отсюда, Ангус, или от твоих трудов только дым останется!

– Джоуи! – возмутилась Блэр.

Ангус покачал головой.

– Он всегда так делает. Ведет себя как капризный ребенок. – Он взял Блэр за руку. – Позвольте пригласить вас на обед?

Блэр взглянула в теплые карие глаза Ангуса и подумала: «Все крайне усложнилось».

Свадьба Блэр и Ангуса состоялась в «Юнион Клуб». Восхищенная женихом Экзальта оплатила небольшое, но пышное торжество. Для бабушки люди либо были выдающимися, либо оставались незамеченными – третьего не дано. Сама Блэр относилась к последней категории. Впрочем, как и большинство.

Блэр ожидала, что Экзальта с презрением отнесется к высокому интеллекту Ангуса, но бабуля посчитала Уэйлена просто замечательным, а после обручения Блэр и Ангуса мнение Экзальты о внучке, похоже, значительно улучшилось.

Блэр понравилась роль невесты. Она была в восторге от приталенного, сильно расклешенного книзу платья-трампет с кружевным верхом, атласным поясом под грудью и низким вырезом сзади. Наряд заказали у Присциллы из Бостона, и подгоняла его по фигуре сама Присцилла, из-за чего Блэр почувствовала себя Грейс Келли.

Блэр обожала облизывать марки для приглашений, а потом проверять почту на наличие ответных открыток. Они позвали пятьдесят гостей, приняли приглашение сорок два человека. Блэр попросила сестру Кирби быть свидетельницей, лучшую подругу Салли – подружкой невесты, а сестру Джесси – младшей подружкой невесты. Для оформления торжества Блэр выбрала пионы и лилии, палитру розового и зеленого, потрясающе подходящую июньскому дню. Ягненок и утка на приеме стали приятной заменой говядине и курице, Экзальта согласилась на французское шампанское. Блэр и Ангус танцевали под песню «Унеси меня на Луну», шуточный намек на работу жениха; они держались за руки под столом во время милого, смешного и очень пьяного тоста Джоуи Уэйлена («Мы все переживали, что ты никогда не найдешь себе жену. И точно. Это я ее нашел»). После приема

Блэр переделалась в персиковое шелковое платье и туфли в тон и пара побежала сквозь душ из риса к автомобилю молодоженов, черному кабриолету Ангуса – «Форду-Гэлэкси» шестьдесят шестого года, украшенному креповой бумагой и пустыми консервными банками.

Медовым месяцем стала неделя на Бермудах в отеле «Гамильтон Принцесс» – розовый песок, мужчины в гольфах, секс. Ангус оказался искусным любовником; похоже, природный дар, как и мозги, ведь муж признал, что до нее ни с кем по-настоящему не встречался.

Однако именно в медовый месяц Блэр узнала, что гибкий, молниеносный разум дается Ангусу высокой ценой. На третье утро их поездки муж отказался вставать с постели. Он не спал, просто лежал, глаза его были открыты, но пусты. Блэр положил руку ему на лоб. Кожа была прохладной.

– Ангус, ты меня пугаешь. Что случилось?

Он покачал головой, сморщив лицо, и, казалось, едва не расплакался.

– Что такое, Ангус? – испугалась Блэр. Разумеется, ответ мог быть только один: он не любит ее, он зря на ней женился. – Ангус?

– Прошу, уйди, – ответил муж. – Ненадолго. Мне надо побыть одному.

Блэр вышла. А что еще ей оставалось? Она почувствовала облегчение из-за того, что проблема хотя бы временная.

Блэр побродила по гостиничному саду, где повсюду цве-

ли июньские розы и порхали бабочки, затем меланхолично посидела с чашкой кофе на террасе, пока не минул час. Подойдя к номеру, она услышала через дверь голос Ангуса. Он разговаривал по телефону, и Блэр решила, что это хороший знак. Она постучала и вошла.

Ангус сказал собеседнику:

– Мне пора. До свидания.

Блэр пересекла тусклую спальню и поцеловала мужа в лоб. По-прежнему прохладный.

– Как ты себя чувствуешь?

– Немного лучше.

Блэр ждала, что Ангус скажет, с кем разговаривал, но он промолчал, и она решила, что лучше не спрашивать.

– Мне очень жаль, – сказал Ангус. – Иногда я просыпаюсь, и меня просто... парализует.

Блэр заверила его, что извиняться не стоит. Она переживала, вдруг муж перегрелся на солнце или не выспался. Еще подозревала, что Ангус слишком много работает. Даже здесь, на Бермудах, он сидел на балконе за маленьким круглым столиком и корпел над расчетами, а когда заканчивал, брался за одну из привезенных книг. Муж читал «Сиддхартху» Германа Гессе на немецком или «Смерть Ивана Ильича», по его словам, «чтобы расслабиться».

– Ты слишком много думаешь, Ангус, – заметила Блэр. – Мозгам нужен отдых.

– Не в этом дело, – ответил он, – просто так иногда слу-

чается. Это недуг.

Затем он признался, что подобные «приступы» посещают его с подросткового возраста. Паралич – психический и эмоциональный – приходил и уходил капризно, как бродящий по дому призрак; невозможно было предсказать ни его причину, ни продолжительность. Ангус лежал в больницах, ему делали анализы, прописывали таблетки, но ничего не помогало.

– Я не говорил тебе, поскольку не хотел, чтобы ты решила, будто выходишь замуж за ущербного, – продолжил он.

– Я бы никогда так не подумала, дорогой, – ответила Блэр. Она вспомнила, как Джоуи назвал Ангуса «чокнутым гением». Тогда Блэр решила, что младший брат попросту ревнует старшего.

Остаток лета минул в блаженном тумане. Поскольку у студентов МТИ были летние каникулы, Ангус смог присоединиться к Блэр на Нантакете. Пока она загорала на Клиффсайд-бич, он работал над своими исследованиями за столом деда Блэр.

Часто они встречались ближе к вечеру в тенистом саду рядом с библиотекой, покупали в молочном баре один на двоих рожок мягкого шоколадно-ванильного мороженого и прогуливались обратно к «Все средства хороши». По вечерами ужинали с семьей, а потом или ехали на пляж, где занимались любовью на заднем сиденье автомобиля, или гуляли по Мэйн-стрит, сидели рядышком на скамейке, переда-

вали друг другу сигарету и любовались мерцающим огнями городом. Раз в неделю устраивали ночное свидание в «Опера Хауз», с его классическими европейскими официантами, всеми до единого пожилыми и с тяжелым акцентом, или в «Шкипере», где разносчики студенческого возраста пели популярные мелодии. Однажды Блэр и Ангус проехали на велосипедах до маяка Санкати-Хед; в другой раз привели четырехметровую яхту Экзальты «Бостонский китобой» к Котату, где засели на пляже под зонтиком. В тот день они были единственными людьми в округе, поэтому Ангус развязал верх бикини Блэр и стал целовать ее спину, затем повалил и занялся любовью прямо на открытом месте, где их могли увидеть проплывающие мимо яхтсмены. Блэр пришлось признать, что это только усилило возбуждение.

После возвращения в город с затянувшегося медового месяца произошла первая ссора.

Ангус сказал Блэр, что не хочет, чтобы она и дальше преподавала в Уинсоре.

– Ты о чем? – возмутилась Блэр. С первого августа она работала над планами уроков и заказала тридцать копий романа «Хорошего человека найти нелегко» Фланнери О’Коннор.

Ангус знал об этом! Школьницы писали Блэр на Нантакет, восторгались, что она будет преподавать у них.

– Разумеется, я вернусь.

– Нет, – отрезал Ангус. – Мне надо, чтобы ты оставалась дома и вела хозяйство.

– Какое хозяйство? – спросила Блэр, хотя знала, что он имел в виду уборку дома, готовку, покупки, стирку и текущие дела. – Ангус, да я спокойно справлюсь и с преподаванием, и с домоводством.

Муж поцеловал ее в нос, и она чуть не отмахнулась, настолько покровительственным был этот жест.

– Разумеется, справишься. Но тебе не нужно работать. Я получаю много денег, и у нас есть твой трастовый фонд.

Под трастовым фондом он имел в виду пятьдесят тысяч долларов, которые Блэр получила, окончив Уэлсли. Теперь они лежали на счете в банке Бостона на ее и Ангуса имя.

– Те деньги нельзя тратить на ежедневные расходы, – заявила Блэр. – И ты это отлично знаешь.

– Блэр, – вздохнул Ангус, – я не желаю жить с работающей женой. Моя профессия очень обременительна. Пойми, ты нужна мне дома. Я понимаю, что любой брак требует компромисса, поэтому и отказался от места в Кембридже.

– Постой, – воскликнула Блэр. Это правда, она ратовала за то, чтобы жить в Бостоне, и теперь они с Ангусом снимали современную квартиру с двумя спальнями на Коммонвелс-авеню. Но Блэр и не подозревала, что это решение поставит под угрозу ее карьеру!

– Блэр, прошу тебя.

– Да что мне делать целый день?

– То же, что и другие женщины, – парировал Ангус. – А если останется свободное время, будешь читать.

Блэр открыла оставшиеся свадебные подарки. Некоторые из них она вернула (тостеры, чайные чашки, ангорское одеяло, которое линяло, как сенбернар), а некоторые расставила по квартире (хрустальные вазы, блюда для конфет, марокканский тажин, который никогда не пригодится, но будет стильно смотреться на открытой полке в обеденном уголке).

Она написала благодарственные письма канцелярскими принадлежностями с выгравированной монограммой БФВ. Открыла счета в фермерской лавке «Сейвенорс» на Чарльз-стрит, в винной лавке, в хозяйственном магазине. Поместила фотографии с церемонии и приема в белый альбом с фольгированной надписью на обложке «Наша свадьба».

Закончив накопившиеся дела, Блэр обнаружила, что не знает, чем себя занять. Ангус предложил ей читать, но теперь, когда у Блэр были целые часы для чтения, дни для чтения, потенциально вся супружеская жизнь для чтения, книги потеряли свой блеск, и в ней стала расти обида.

Ангус сказал, что хочет видеть жену дома, но зачем? Он все время работал. Вел занятия, курировал студентов-выпускников, а большую часть его бодрствования поглощала миссия «Аполлон-11». Мужа никогда не было дома, и Блэр вскоре задумалась, не совершила ли она ошибку, променяв одного брата Уэйлена на другого. Джоуи Уэйлен сделал Блэр секретный свадебный подарок – тонкую серебряную зажигалку с выгравированной надписью: «Я полюбил тебя первым. Навеки твой, Джоуи». Каждый раз, закуривая си-

гарету, Блэр ощущала себя тайно, восхитительно желанной. Действительно, разве можно было придумать подарок лучше? Блэр очень хотелось, чтобы Ангус обнаружил зажигалку; она стала оставлять ее на улице выгравированной стороной вверх. Но мужа не волновали мелочи жизни Блэр, так что если между ними и был хотя бы один маленький секрет, то исключительно по его собственной вине, думала она.

В конце сентября Ангус отправился в Хьюстон, затем на мыс Кеннеди. Блэр осталась присматривать за домом. Она купила книгу «Освоим искусство французской кухни» и решила, что станет искусственным поваром, дважды в месяц сможет устраивать модные приемы, вечера с коктейлями и изысканными закусками, где разговор будет сосредоточен на литературе, искусстве, музыке, истории и путешествиях. Несколько лихорадочных дней Блэр цеплялась за мечту об этих салонах, воображая их в том же духе, что и встречи, устраиваемые герцогом и герцогиней Виндзорскими. Но потом она трижды попыталась и не смогла приготовить съедобный *roulet au porto* – цыпленка в портвейне – и поняла, что Ангус никогда не сможет выделить два вечера в месяц для дома, а друзей у них все равно нет.

В середине октября планировался ежегодный обед для преподавателей, тот самый, который Ангус лихо пропустил годом ранее. На этот раз он проходил у доктора Леонарда Кушина, профессора микробиологии в отставке; тот жил на Ирвинг-стрит, через несколько домов от самой Джулии Чайлд.

Блэр с нетерпением ждала праздника: наконец-то представилась возможность выйти из дома и пообщаться. Она долго трудилась над картофельной галетой с топленным маслом, тимьяном и розмарином: порезанная на тонкие ломтики, та станет изысканным общим блюдом. Блэр не терпелось познакомиться с коллегами Ангуса и насладиться общением на солидные темы. Она хотела выглядеть серьезной и интеллектуальной, поэтому решила надеть черные брюки клеш с черной водолазкой. Пышные светлые волосы собрала в аккуратный хвост и закрепила черно-оранжево-розовым шарфом Пуччи, подаренным подругой Салли. Блэр подумывала надеть серебряные серьги-кольца, но побоялась, что те будут выглядеть легкомысленно. В том же ключе она поступила и с макияжем: использовала только карандаш для бровей и прозрачный блеск для губ.

Когда Блэр спустилась вниз, Ангус спросил:

– Во что это ты вырядилась?

Блэр подхватила галету двумя стегаными прихватками и пошла вперед к машине. Ангус много знал об астрофизике и немного об Эдит Уортон, но ничего не понимал в женской моде.

Или понимал?

К ужасу Блэр, другие присутствовавшие на обеде жены облачились в платья-футляры или пышные юбки осенних цветов – золотисто-розового, огненно-оранжевого, бордового. Все гости были причесаны и покрашены, с накладны-

ми ресницами и яркой помадой. Блэр приветствовала миссис Нэнси Кушин, которая была лет на тридцать моложе уважаемого профессора Кушина. Блэр передала Нэнси галету. Остальные жены – Джуди, Кэрол, Марион, Джоанна, Джоанна и Джоанна – бросали на новенькую косые взгляды, расставляя подносы с закусками, большей частью состоящими из трех ингредиентов: сливочного сыра, оливок и зубочисток.

К тому времени, как Блэр закончила знакомиться, Ангус исчез.

– Вы не видели моего мужа? – спросила она у Нэнси Кушин.

– Мужчины в кабинете, – ответила Нэнси, подняв нарисованные карандашом брови. – Они пьют бурбон, курят сигары и говорят о науке.

Блэр предложили бокал шабли – принятый с благодарностью, – а затем палочку сельдерея, начиненную сливочным сыром с лососем и увенчанную тончайшими ломтиками оливок, от которой она сначала отказалась, но потом передумала и взяла.

Блэр повернулась к сидящей рядом женщине с бирюзовыми тенями на глазах, идеально подходящими к ее шелковому жакету-болеро.

– Вы читали в последнее время что-нибудь интересное? – Блэр надеялась, что соседка – кажется, одна из Джоанн – не назовет «Раковый корпус» Солженицына, который сама она

дважды начинала, но сочла слишком мрачным.

Наверное-Джоанна воскликнула:

– О нет! Единственная книга, которую я прочитала за последнее время, – «Зайчонок Пэт».

На следующий день Блэр подала документы в Гарвард на специальность «английский язык». Она не сказала Ангусу ни слова, пообещав себе, что это просто розыгрыш; просто хотела узнать, сможет ли поступить. Через три недели Блэр получила письмо – ее приняли. Занятия начинались в январе.

Когда в тот вечер Ангус вернулся домой – без четверти одиннадцать, – Блэр не спала и ждала его с письмом о принятии и парой бокалов хорошего виски, которое купила, чтобы отпраздновать событие.

Ангус был недоволен тем, что жена все еще не в постели.

– Что бы это ни было, придется подождать до утра, – сказал он. – Я чувствую приближение приступа.

– Просто быстро прочти, пожалуйста, – взмолилась Блэр и сунула ему в руки письмо.

Ангус прочел, выражение его лица не изменилось.

– Это прекрасная новость, – сказал он, закончив, и Блэр прижала руки к сердцу. – Но ты не поедешь.

– Что? – не поверила ушам Блэр. – Но это же Гарвард. Я поступила в Гарвард, Ангус!

– Разве ты не рассказывала, что в Гарварде учился твой дедушка? Наверное, это помогло.

Блэр еле удержалась от пощечины.

– Я не упоминала им о деде, – выдавила она сжатым голо-
сом. Однако стрела попала в цель: Ангус не верил, что Блэр
могла поступить в Гарвард благодаря собственным заслугам.
И это указывало на скрытую, более тревожную истину: Ан-
гус не считал Блэр такой же умной, каким она считала мужа.

– Мы договорились, что ты не будешь работать, – припе-
чатал Ангус.

– Это не работа. Это – учеба! Ведь ты, как никто, дол-
жен...

– Блэр, – оборвал ее Ангус. – Мы это уже обсуждали. А
теперь спокойной ночи.

Блэр хранила письмо о принятии в Гарвард в ящике
для нижнего белья, где оно бросалось ей в глаза каждый
день. Она решила, что вернется к этой теме через несколь-
ко недель, в утренние часы, – возможно, на выходных, когда
Ангусу не нужно будет рано уезжать в университет. Она убе-
дится, что муж хорошо себя чувствует. Приготовит хаш из
солонины с яйцами-пашот, его любимое блюдо, и сообщит,
что поступает в Гарвард, несмотря на возражения. В конце
концов, на дворе шестьдесят восьмой год; муж не может ука-
зывать ей, что делать.

Свой первый День благодарения они провели в доме Эк-
зальты в Бикон-Хилл. Блэр приготовила Tarte Normande aux
Pommes – нормандский яблочный тарт Джулии Чайлд – и с
гордостью преподнесла бабушке, которая передала угощение
повару. Затем Экзальта оперлась на руку Ангуса и повела

его в библиотеку на коктейли и канапе. На День благодарения Экзальта всегда подавала моллюсков на половинках раковин, блюдо с французским соусом и орешки к коктейлям. Блэр попробовала моллюска, а через несколько мгновений бросилась в ванную комнату в задней части дома – уборную для слуг, – потому что ее стошнило.

Неделю спустя стало окончательно ясно: она беременна.

Мечту учиться в Гарварде пришлось отложить в долгий ящик. Блэр написала в приемную комиссию письмо, в котором объяснила, что у нее будет ребенок и хотелось бы отложить зачисление на год или два. Ответа не последовало. Вероятно, в комиссии посчитали, что отвечать не нужно, ведь само собой разумелось то, чего никак не могла принять Блэр: она никогда не будет учиться в Гарварде.

И действительно, беременность нарушила даже тот жалкий распорядок дня, который Блэр установила ранее на Коммонвелс-авеню. Она была абсолютно раздавлена. Порой целыми днями даже не выходила из квартиры. Тошнота началась в пять вечера, как по расписанию. Блэр проводила не менее часа, стоя на коленях перед унитазом и отплевываясь. С тошнотой помогало справиться только курение и маленький стаканчик виски, что было странно, потому что обычно Блэр пила джин, но ее беременный организм жаждал темного алкоголя, чем старше и насыщеннее, тем лучше.

В день, когда Блэр решила установить рождественскую елку, к ней пришла помочь мать. Вдвоем им удалось закрепить

дерево на подставке, а затем Кейт занялась развешиванием гирлянд, пока Блэр развалилась на диване с сигаретой и стаканом «Гленливета» на два пальца, желая, чтобы тошнота наконец оставила ее в покое. Она пригласила мать и Дэвида на ужин и планировала подать сырное фондю; кропотливо нарезала кубиками хлеб, тонкими ломтиками – вяленую колбасу, которую утром привезли из магазина. Днем позвонил Ангус и сказал, что снова задержится на работе, и Блэр хотела вообще отменить совместный ужин, но Кейт настояла на том, что дочери нужна компания, и теперь Блэр могла рассчитывать на несимметричный ужин с фондю: только она и ее родители.

Блэр смотрела, как мама наматывает на елку гирлянды, бесконечно терпеливо, осторожно, тщательно и умело.

Кейт была одета в темно-зеленую кофточку и туфли, на шее – жемчуг, светлые волосы уложены в гладкий шиньон, а губы идеально накрашены. Кейт всегда была собранна, всегда безупречна. Как ей это удавалось? Блэр знала, что мать пережила темные времена. Отец Блэр, Уайлдер Фоли, воевал в Корее почти все последние годы своего раннего брака, затем вернулся домой, и пришлось, как выразилась Кейт, «вносить коррективы».

Блэр вспомнила возвращение отца. Они встретили его в аэропорту; папа был в парадной форме. За завтраком он сидел за столом в белой рубашке, курил и ел яичницу, тянул Кейт к себе на колени и рычал на Блэр, чтобы та отвела сест-

ру и брата наверх поиграть. Уайлдер не возил Блэр в школу или на балет, этим занималась мама. Кейт готовила еду, купала их, читала сказки и укладывала спать. Блэр вспомнила, как однажды вечером родители пошли ужинать. Мать была в красном платье, отец – в парадной форме, а с детьми пришла посидеть Джейни Беккет с соседней улицы, к вящей радости Блэр.

Кейт купила колу, чтобы угостить помощницу, и Блэр украдкой поглядывала на три экзотические зеленые бутылки в ящике со льдом: детям Фоли не разрешалось пить газировку. В тот вечер Джейни дала Блэр один глоток колы, та была такой освежающей, острой и неожиданно шипучей, что у малышки заслезились глаза и защипало в носу.

Она помнила все эти подробности, но об отце воспоминаний сохранилось относительно мало. А потом он внезапно умер. Кейт нашла в гаражной мастерской тело Уайлдера с огнестрельным ранением в голову.

Тем утром дедушка повел Блэр в парк, что было крайне необычно. Вернувшись, она увидела, что дом наполнен людьми, кучей людей – соседи, мистер Беккет (отец Джейни), рой полицейских, а позже, как ни странно, к ним присоединился Билл Кримминс, смотритель дома на Нантакете.

Блэр не помнит, как ей сообщили о смерти папы; может, сама подслушала или просто догадалась. Не помнит она и маминых криков или слез. Только повзрослев, Блэр осознала необычность такого поведения, и ее словно током ударило.

В шестнадцать лет Блэр поссорилась с Кейт из-за того, что не стеснялась проявлять на публике чувства к своему парню, Ларри Уинтеру. Тогда Блэр обратила спокойствие матери против нее же, заявив: «Ты не плакала, даже когда умер папа. Не проронила ни слезинки!»

И Кейт обрушилась на дочь с совершенно нехарактерным для себя гневом.

– Да что ты знаешь об этом? Скажи мне, пожалуйста, Блэр Баскетт Фоли. Что. Ты. Знаешь. Об. Этом!

Блэр пришлось признать, что она ничего об этом не знает, и так оставалось по сей день. Кейт, наверное, была опустошена неожиданной смертью мужа, выбита из колеи. Блэр испытывала искушение спросить мать, каково ей было найти отца, как Кейт после этого справлялась. Может, она сама что-то поймет о своем собственном браке, задав эти вопросы. Но в этот момент ее мать подняла руки, чтобы продемонстрировать елку. Огни были равномерно развешаны на ветвях на разной глубине таким образом, что получилось светящееся объемное чудо.

– Что скажешь? – спросила Кейт.

Блэр была так восхищена матерью, что не могла подобрать слов, чтобы выразить восторг. Поэтому просто кивнула в знак одобрения.

Все обещали Блэр, что во втором триместре она будет чувствовать себя лучше, так и оказалось. Апрель стал золотым периодом ее беременности. Тошнота прошла, а изне-

можение немного отступило. Волосы Блэр превратились в длинные и блестящие локоны, аппетит к еде и сексу вырос непомерно. Но Ангус стал еще более отстраненным и далеким, и приступы у него случались все чаще. Те редкие дни, когда он отрывался от работы, Ангус проводил, мрачно лежа в постели.

Во вторник восьмого апреля, через два дня после Пасхи, Блэр проснулась, немедленно съела два бутерброда-гриль с сыром, карамельный пудинг, три шоколадно-кокосовых яйца и горсть черных мармеладок из пасхальной корзины, которую Экзальта по-прежнему готовила для всех четырех своих внуков, хотя трое из них уже выросли. Стоял чудесный весенний день, первый теплый день за последние месяцы. Блэр, воодушевленная приливом сахара, решила пройтись пешком от квартиры до кампуса Массачусетского технологического института, где работал Ангус, и сделать ему сюрприз. Она надела одно из новых платьев для беременных – полного размера, хотя была всего на пятом с половиной месяце. Выросший обхват талии смущал Блэр. Она казалась себе слишком большой. На Пасху Экзальта с неодобрением прокомментировала ее фигуру, и Блэр боялась, что бабушка может даже отобрать пасхальную корзину. Блэр никак не могла объяснить свою толщину, да и все в ее беременности было экстремальным – она так болела, так уставала, а теперь стала такой огромной. Блэр верила: это знак, что ребенок будет крепким, здоровым мальчиком – умным, как Ангус,

красивым, как Джоуи, спортивным, как Тигр.

Она надела туфли на низком рифленом каблуке, удобные для ходьбы, но на Мальборо-стрит миниатюрная женщина с подсиненными волосами остановила ее на тротуаре, сказала, что Блэр не имеет права находиться на улице в таком состоянии, и попросила вернуться домой.

Та потрясенно уставилась на незнакомку.

– Но я только на пятом месяце, – сказала Блэр и тут же пожалела, что сообщила столь личную информацию. Она с ужасом заметила, что беременность делает ее общественным достоянием. Пожилые женщины, которые, вероятно, рожали на рубеже веков, считали, будто могут остановить ее на улице и наказать идти домой.

Блэр пошла дальше, возмущенная, но стесняющаяся сама себя. Ее платье для беременных было лютиково-желтого цвета, оно подходило к весеннему дню, но в то же время выделяло ее из толпы. Она хотела пройтись по мосту Лонгфелло и посмотреть на гребцов, но через несколько кварталов рядом остановилось такси, водитель опустил пассажирское стекло и спросил:

– Леди, куда вы направляетесь? Я подвезу вас бесплатно.

Блэр думала запротестовать, но ее ноги начали ныть, до моста было далеко, а до МТИ еще десять-двенадцать кварталов.

– Спасибо, – поблагодарила она и села в такси.

Когда Блэр добралась до кафедры астрофизики, админи-

стратор, аспирант, представившийся Доббинсом, сообщил ей, что Ангус вышел.

– Вышел? – спросила Блэр. – Что вы имеете в виду?

На Доббинсе был классический клетчатый костюм с подходящим галстуком-бабочкой и платочком в нагрудном кармане («Стильно!» – подумала Блэр), но смотрел юноша мрачно. Секретарь кафедры, миссис Химстедт, в январе ушла на пенсию, а Ангус и его коллеги были слишком заняты, чтобы найти ей замену, поэтому поручали аспирантам все нудные задания, которые обычно выполняла дама. Большинство аспирантов чувствовали себя обиженными, как и молодой Доббинс. К тому же, похоже, его смутила беременность Блэр; он так настороженно наблюдал за гостьей, будто думал, что она может лопнуть.

– У профессора Уэйлена была назначена встреча на десять.

Утренний оптимизм Блэр стремительно угасал.

– И где проходит эта встреча?

– Я не могу вам сообщить.

– Я его жена.

– Простите, – только и сказал Доббинс.

– Прошу, просто скажите, куда он пошел. В кампус?

– Вообще-то, – выдавил Доббинс, – это личная встреча.

– Личная?

– Так он сказал. Личная.

«Личная, – подумала Блэр. – Где же он может быть?» Ан-

гус стригся каждую вторую субботу, а визит к дантисту был назначен только на следующий месяц.

Она сказала:

– Я подожду, пока он вернется.

Доббинс водрузил на нос очки и углубился в лежащий перед ним на столе учебник.

Блэр села на стул с прямой спинкой и положила сумочку на то, что осталось от ее коленей. Потом глянула на Доббинса и заметила, как тот оторвался от своего занятия, чтобы осмотреть ее с явным отвращением. Возможно, ему было не по себе от подобной плодовитости. Так случалось со многими мужчинами.

Она просидела более тридцати минут и уже собиралась встать и уйти – решила взять такси до дома, потому что от сидения у нее заболела поясница, – когда в дверь ворвался муж.

– Ангус! – воскликнула Блэр, испытывая одновременно облегчение и радость. Она с трудом поднялась на ноги.

Такого выражения лица у мужа она раньше не наблюдала. Он выглядел... пойманным на горячем. Виноватым. И тут Блэр заметила, в каком Ангус беспорядке: галстук перекошен, пиджак расстегнут, волосы взъерошены. Она моргнула.

– Где ты был? – спросила Блэр.

– Что ты здесь делаешь? – рявкнул Ангус. А мгновение спустя добавил: – Я был на заседании кафедры.

Блэр взглянула на Доббинса, который мудро не поднимал

головы от учебника.

– Этот милый молодой человек сказал мне, что ты на встрече. На личной встрече. И с кем же ты встречался?

– Вы извините нас, Доббинс? – бросил Ангус.

Того не пришлось просить дважды. Если для него что-то и могло быть хуже стычки с беременной женщиной, решила Блэр, так это оказаться в эпицентре семейного скандала. Аспирант молниеносно скрылся.

– Что ты здесь делаешь? – повторил Ангус.

– Пришла сделать тебе сюрприз! – ответила Блэр и рыдалась. Она была толстой, такой толстой, до отказа заполненной ребенком и водами, – того и гляди взорвется.

Блэр казалась себе перезрелым фруктом. Она была... сочащейся, жирной, влажной, дурно пахнущей. Блэр так сильно захотелось помочиться, и она настолько потеряла контроль над своим мочевым пузырем, что испугалась, как бы не описаться рекой прямо здесь и сейчас.

– Мне нужна дамская комната, – сказала Блэр мужу. – Немедленно.

Ангус, казалось, почувствовал облегчение от этой помехи, однако поиски женского туалета стали настоящей проблемой. Население здания было настолько мужским, что в нем имелся только один женский туалет, и тот находился на втором этаже. Для этого следовало спуститься на лифте и пройти по тихому коридору мимо закрытых дверей, за которыми, как предполагала Блэр, мужчины занимались расче-

тами. Все это время она молилась о том, чтобы не описаться. Кроме того, ее мучил вопрос, кто же любовница Ангуса. В том, что у мужа есть женщина на стороне, она не сомневалась.

Большинство профессоров остановились бы на студентке, но все ученики Ангуса были мужчинами, все до единого, и его коллеги по кафедре тоже. Одна из жен преподавателей? Возможно, Джоанн с бирюзовыми тенями? Или стюардесса с одного из рейсов, которыми Ангус летал предыдущей осенью.

Блэр наконец добралась до дамской комнаты и с таким облегчением освободила мочевой пузырь, что все остальное стало неважно. А когда она вышла, Ангус объявил, что ее визит был приятным сюрпризом, но ему пора возвращаться на работу. Они увидятся дома.

– Но... – заикнулась Блэр.

Ангус поцеловал ее и вложил в руку два доллара на такси. Затем улыбнулся, что было редкостью в последние дни. Блэр полагала, что муж бережет свои улыбки для другой женщины.

– Я люблю тебя, – сказал он, но слова прозвучали неискренне.

Блэр двинулась к выходу, но замерла.

– Ангус?

Муж, стоя одной ногой в лифте, придержал дверь и обернулся:

– Да, дорогая?

Блэр хотелось сказать что-нибудь ужасное, например: «Прости, что я вышла замуж за тебя, а не за Джоуи» или «Я поеду в Гарвард, как только родится этот ребенок, что бы ты ни говорил». Она не будет бездействовать, в то время как Ангус лжет ей!

Но Блэр не могла начать ссору здесь, в общественном здании, на рабочем месте мужа. Ее не так воспитывали.

– Поправь пиджак, – сказала она. – Ты пропустил пуговицу.

Time of the Season

12

Мама ведет «Гранд-Вагонир», а бабушка сидит впереди. Без Кирби и Тигра у Джесси в распоряжении все заднее сиденье, поэтому она легла, примостив голову на один из мешков. «Вагонир» до отказа набит чемоданами, коробками и сумками, завален почти до самой крыши.

Дороги сзади не видно, ее никогда не видно в таких поездках, хотя Дэвид каждый год и просит Кейт брать поменьше «барахла», а она ежегодно обещает захватить только самое необходимое. Большую часть груза составляет, понятно, одежда – Экзальты, Кейт, Джесси, Дэвида и даже Тигра, просто на всякий случай: вдруг война закончится посреди лета

¹² «Time of the Season» (1968) – одна из самых популярных и узнаваемых песен британской рок-группы The Zombies.

и его отправят домой.

Летние гардеробы разительно отличаются от одежды, которую они носят в Бостоне. Кейт упаковывает платья с индейскими мотивами, эспадрильи, кучу купальников на каждый день недели, укороченные брюки, шорты-бермуды, блузки с вырезом лодочкой, теннисные платья и резиновые сапоги. У Джесси примерно то же самое, но менее изысканное, более молодежное. В ее багаже плюшевые костюмы, пара белых брюк клеш, два летних сарафана для ужинов в ресторане, вязаный жилет и пестрый свитер для неизбежных ненастных дней. Небольшой чемодан хранит экипировку на случай непогоды: плащи, шляпы, ботинки, зонтики. Целую коробку занимают кухонные принадлежности: чугунная сковорода, нож шеф-повара и разделочная доска, с которыми Кейт не расстается. Холодильный короб забит стейками и французскими сырами из «Сейвенорса», ведь Нантакет славится морепродуктами, а вот остальная еда по сравнению с материковой ниже среднего, в этом Кейт и Экзальта сходятся. Джесси взяла книгу на лето – «Дневник Анны Франк» – и свою новую пластинку. А еще в машине теннисные ракетки, щипцы для моллюсков, новые спасательные жилеты для лодки, новые плетеные корзинки для велосипедов.

Дорога по девяносто третьей, а затем по третьей трассе совершенно неинтересная, и мысли Джесси уплывают вдаль. Она не уверена, что осмелится попросить Экзальту поставить пластинку Джони Митчелл на проигрыватель

«Магнавокс». Бабушка слушает записи биг-бендов, ее любимчик – Глен Миллер. С мамой легче: Кейт любит Рикки Нельсона и группу The Beach Boys. Эх, если бы музыкальные пристрастия самой Джесси были покруче. Кирби нравятся Steppenwolf и The Rolling Stones, а Тигр слушает Led Zeppelin и The Who.

Вспомнит ли Тигр о том, что письма надо отправлять на Нантакет? Джесси сомневается, а значит, ей всякий раз придется ждать выходных, когда Дэвид привезет почту.

Джесси чувствует боль в животе. Может, это спазмы? Неужели у нее начнутся месячные? Она подозревает, что это лишь игра воображения. Вечером закажут еду в «Закусочной Сьюзи» в конце Стрейт-уорф, как поступают всякий раз в день приезда, а завтра у Джесси начнутся уроки тенниса в клубе «Поле и весло», но что делать во второй половине дня? Ходить загорать с мамочкой? Мама предпочитает ездить на дальний пляж Рэм-Пачер, потому что там обычно никого нет. Кейт может поставить кресло и спокойно читать, спать или плавать. Рэм-Пачер – единственный пляж, куда вместе с Кейт ездит и Экзальта. Бабушка надевает широкополую соломенную шляпку и купальник с юбочкой.

Джесси воображает себя рядом с мамой и бабушкой. Счастливая картинка – три поколения вместе наслаждаются безлюдным пляжем, – вот только страшно далекая от правды.

– Джесси! – окликает Кейт, в упор глядя на дочь.

– Чего?

– «Да, мама», – подсказывает Кейт.

– Да, мама? – повторяет Джесси, садясь. Рядом с Экзальтой ее мать следит за манерами.

– Мост, – кивает Кейт.

Перед ними внезапно вырастает мост Сагамор, необычная величественная арка из стальных балок. Если оценивать объективно, думает Джесси, мост довольно-таки безобразный, но, несмотря на это, она чувствует прилив нежности.

Сагамор означает начало лета, и Джесси даже удивлена охватившим ее нетерпением. Воздух пахнет солью и соснами, и в момент, когда Кейт проезжает наивысшую точку моста, Джесси видит, как лодки рассекают воды канала Кейп-Код.

Оптимизма хватает до самого причала. Загонять «Вагонир» в чрево парома «Нобска» – семейный ритуал, и внезапно Джесси ощущает некую привилегированность. Блэр застряла дома в Бостоне с изжогой и отекающими лодыжками, Кирби – на Винограднике Марты среди незнакомцев, Тигр – в джунглях Вьетнама. Пожалуй, Тигр отдал бы что угодно, чтобы в эту минуту оказаться с ними. Прежде чем Джесси снова начнет жаловаться, пусть даже сама себе, она сначала вспомнит о брате.

Они паркуют автомобиль так, что передний бампер почти касается заднего бампера «Фольксвагена-жука» с откидным верхом, который стоит перед ними, и в памяти Джес-

си всплывает ярко-оранжевый автомобиль мисс Флауэрс, но школа кажется такой далекой. В семейной традиции также взобраться на верхнюю палубу и «подышать морским воздухом», как говорит Экзальта, поэтому Джесси следует за мамой и бабушкой вверх по металлическим ступеням, сначала на главную палубу, где, помимо буфета с хот-догами и хлебкой, располагаются мужской и женский туалеты, в которых вместо воды плещется синий химический раствор, а затем на верхнюю палубу, где самое яркое солнце и самый сильный ветер.

– Ой, посмотри, это же Битси Данскоумб, – восклицает Кейт. – Пойду поздороваюсь. Ты со мной, мам?

– Господи, нет, – выдыхает Экзальта. – У них вся семья такая утомительная.

Это тот редкий случай, когда Джесси с ней согласна. Битси Данскоумб – мать близняшек Хелен и Хизер, ровесниц Джесси. С самого детства Джесси заставляют «дружить» с сестрами Данскоумб.

Близняшки абсолютно идентичны, яркие блондинки со стрижкой пикси, рассыпанными по носам веснушками, небольшими щелями между передними зубами и, с недавних пор, серьгами (что, по мнению Джесси, возмутительно, ведь ее учили, что девушке следует прокалывать уши не ранее шестнадцати лет). Хизер Данскоумб милая и приветливая, а Хелен Данскоумб – злобная вонючка (к примеру, Хелен все время спрашивает Джесси, когда та сделает пластическую

операцию на носу). Было бы приятно позависать с Хизер, но в комплекте идет Хелен, так что Джесси при любой возможности держится от сестер подальше.

Кейт удаляется, оставляя Экзальту и Джесси стоять у борта и глядеть на волны. На расстоянии вода кажется синей, но если посмотреть прямо вниз, то она зеленая. Джесси знает, что если набрать жидкость в стакан, то та будет прозрачной.

То, что у воды нет цвета, Джесси выучила на уроках естествознания. Люди видят преломляющийся свет. Джесси думает, не сообщить ли об этом Экзальте, чтобы нарушить тишину, но бабуля тихонько мурлычет что-то, будто впад в некое подобие медитации, и становится не похожа сама на себя.

Через какое-то время она поворачивается к Джесси и спрашивает:

– Откуда у тебя этот медальон?

Джесси касается рукой подвески.

– Папа утром подарил. Это – древо жизни.

Экзальта приподнимает медальон, рассматривая.

– Древо жизни, говоришь? И что это значит?

Кажется, вопрос с подвохом.

– Это – символ ответственности и зрелости. В еврейской традиции тринадцать лет – особый возраст, – отвечает Джесси.

Глаза Экзальты закрыты большими круглыми солнечными очками в стиле Джеки Кеннеди-Онассис, поэтому Джес-

си не видит их выражения.

– Сегодня – мой день рождения, – напоминает она. – Мне исполнилось тринадцать.

И снова из-за солнечных очков невозможно понять, застала ли эта новость бабушку врасплох. С Экзальты станется забыть про день рождения Джесси. Единственная внучка, чье появление на свет Экзальта безукоризненно помнит, – это Кирби, которая родилась тридцатого сентября, в тот же день, что и сама бабушка. Вот почему Кирби – ее любимица, ну, по крайней мере, это одна из причин.

Экзальта кладет сумку на поручень, расстегивает замок-поцелуйчик и вынимает небольшую бархатную коробочку.

– С днем рождения, Джессика.

Джесси ошеломлена. Она не сразу понимает, что Экзальта не только помнит о дате, но еще и приготовила подарок, и это, скорее всего, не сберегательная облигация, которую Джесси обычно получает. Она берет коробочку, но не открывает, пока Экзальта не делает приглашительный жест.

Внутри ожерелье. Тончайшая золотая цепочка, словно нить золотого песка.

С цепочки свисает золотой филигранный узел, в центре которого – бриллиант размером с булавоочную головку.

– Твой дедушка подарил мне эту подвеску на нашу первую годовщину свадьбы в 1919 году, – говорит Экзальта. – Примерь.

Невероятно. Бабушка преподносит ей свое собственное украшение.

Когда Джесси была младше, они с Кирби любили прокрасться в комнату бабули и порыться в ее драгоценностях, гадая, какое кому достанется по завещанию. На туалетном столике Экзальты выстроился целый ряд фарфоровых коробочек для колец, они нравились Джесси почти так же, как и хранящиеся в них сокровища. В любимом перстне Кирби была черная жемчужина, зажатая в оправе из платины.

А фаворитом Джесси стало золотое кольцо с тремя опалами неправильной формы. В детстве опалы казались ей волшебными камнями, на свету в них сияли маленькие радуги. Блэр, слишком взрослая для игр, но недостаточно зрелая, чтобы не критиковать вкусы, говорила, что опалы вульгарны, и Джесси втихомолку этому радовалась, ведь, если Экзальта оставит кольцо Блэр, та может отдать его младшей сестре.

Джесси никогда не видела это ожерелье, но знала, что некоторые самые ценные украшения Экзальта хранит в шкафу под замком, например: жемчуга, бриллиантовый браслет и гарвардское кольцо дедушки, то самое, которое она отдала Тигру перед призывом. Джесси даже мечтать не смела когда-нибудь получить хотя бы что-то из секретного шкафа.

Проблема состоит в том, что требуется снять медальон отца. Пути к отступлению нет, Джесси расстегивает серебряную цепочку и опускает древо жизни в передний карман шорт. Она надевает на шею бабушкин подарок, и Экзальта

восхищается:

– Как изысканно, я как знала, что оно создано для тебя.

Джесси заставляет себя улыбнуться. Разумеется, она в восторге от ожерелья и от того, что Экзальта решила, будто внучка достойна такого подарка, но ей жаль отцовского кулона, древа жизни, гораздо менее шикарного, чем новое ожерелье. Джесси опасается, что Экзальта специально вручила ей золотой узел с бриллиантом, чтобы заменить древо жизни и удостовериться, что внучка не будет носить ничего, напоминающего о еврейском происхождении.

Что же делать?

– Положим подвеску обратно в коробку, – велит Экзальта. – Она слишком дорогая, чтобы носить каждый день. Только для особых случаев. Я стану держать ее у себя в комнате, там она будет в сохранности.

Джесси вздыхает с облегчением. Только для особых случаев. В остальное время она может носить древо жизни. На этот раз все сложилось отлично.

– Спасибо, бабуля, – благодарит Джесси и целует бабушку в щеку.

Одной из привлекательных сторон Нантакета является то, что он не меняется, и это особенно важно сейчас, ведь в стране все идет наперекосяк. Джона Ф. Кеннеди застрелили, когда Джесси ходила в первый класс и в силу возраста не понимала масштаб события. Затем в прошлом году, в пятом классе Джесси, в Мемфисе застрелили Мартина Лютера Кинга –

младшего, а позже в том же году в Калифорнии убили Бобби Кеннеди. Родителей Джесси глубоко встревожили эти смерти, а Кирби была безутешна:

– Каждого человека, который пытается продвинуть страну вперед, хладнокровно убивают!

И конечно же, во Вьетнаме ежедневно гибли американские солдаты.

Джесси утешает вид знакомых знаков, появляющихся по мере того, как «Гранд-Вагонир» катится по бульжникам Мэйн-стрит. Вот грязное пятно открытого допоздна «Угольного камбуза»: сюда перетекают завсегдатаи соседнего бара «Сундук боцмана» (Джесси учили переходить на другую сторону Мэйн-стрит и не идти мимо «Сундука боцмана», отчего ей становилось еще любопытнее). Вот лавка «У Чарли» – тут делает покупки мама, иногда берет с собой Джесси. А дальше – универмаг Буттнера.

Как-то летом экономка припарковала хозяйский «Бонневилль» перед магазином и пошла по делам. Потом вернулась к машине, завела ее и дала задний ход, – по крайней мере, она так думала; а на самом деле поехала вперед. Бордюр не давал автомобилю двигаться, и экономка, не понимая, почему не трогается с места, сильно ударила по газу, в результате чего въехала в витрину универмага. Как только эта новость достигла «Все средства хороши», Тигр и Джесси побежали посмотреть на место аварии. Джесси была ошеломлена, ей казалось, разрушения, вызванные врезавшимся в здание

автомобилем, невозможно исправить. А вот Тигр пришел в восторг.

Он стоял рядом, пока один полицейский пытался успокоить рыдающую экономку, другой пытался утихомирить мисс Тимси, что владела универмагом с незапамятных времен, а фотограф из местной еженедельной газеты делал снимки. Автомобиль остался практически цел, и, к счастью, никто не пострадал. В течение двух недель окно универмага было закрыто коричневой бумагой, но однажды стекло снова вставили, затем пришел человек и нарисовал черную с золотом надпись, и все стало так, как если бы ничего никогда не происходило.

Они проезжают мимо «Салона красоты Клэр Элейн» и «Книжного уголка Митчелла», открытого в прошлом году, потом мимо «Свит Шоп», куда Джесси пойдет с папой есть мороженое «малахитовая крошка» и жаловаться на жизнь.

Проехав банк «Пасифик», они оказываются на Аппер-Мэйн-стрит, где живут почти все друзья Экзальты. Некоторые семьи приезжают на остров до Дня поминовения, но бабушке кажется, что в мае еще довольно прохладно. Она назначила «своим» днем прибытия третий понедельник июня. В четверг, как уже знает Джесси, «Инкуайрер энд Миррор» напечатают объявление, гласящее: «Миссис Пеннингтон (Экзальта) Николс прибыла на лето в свой особняк на Фэйр-стрит, после того как провела зиму в собственном доме на Маунт-Вернон-стрит в Бостоне».

Вся семья верит, что Фэйр-стрит – самая красивая улица на всем острове. Она узкая, с односторонним движением: все машины едут в город. К Фэйр примыкают только маленькие боковые улочки, поэтому автомобилей немного. Дома здесь старые, но ухоженные.

Большей частью они покрыты серой черепицей с отделкой, которую каждые несколько лет красят белым. Некоторые из соседей участвуют в неофициальных соревнованиях на лучшие дворики, что Экзальта зовет «абсурдной тратой времени». Но Джесси и Кирби развлекались, катаясь на велосипедах вверх и вниз по улице и выбирая первое, второе и третье место: давали свои призы гераням, петуниям, анютиным глазкам и бальзаминам. Почти у всех домов есть названия – «Честно и справедливо», «Сказка», «Семейное дело». Особняк Экзальты, выделяющийся желтым фасадом, обшитым вагонкой, называется «Все средства хороши», как в поговорке «В любви и на войне все средства хороши». Чуть ниже по улице справа стоит любимец Джесси, белый викторианский дом с башенкой, украшенный причудливой резьбой. Она предпочитает держать симпатии при себе, потому что иначе Экзальта обидится и может даже посоветовать Джесси постучать в дверь Блэкстоков и проверить, сможет ли она жить с ними, раз уж ей так нравится их дом.

Они паркуют «Вагонир» на соседней улице, Пламб-лейн. Как из-под земли появляется смотритель мистер Кримминс, чтобы открыть дверь и помочь Экзальте выйти из машины.

– О, Билл, – восклицает бабуля, – вам вовсе не обязательно нас встречать. Я знаю, как вы заняты.

– Вы потрясающе выглядите, Экзальта! Впрочем, как всегда, – приветствует ее мистер Кримминс. Он сжимает руку бабушки и долгую секунду взирает на нее. – Мне так жаль, что Тигра призвали.

– С ним все будет в порядке, – отвечает Экзальта и забирает руку.

Мистер Кримминс поворачивается к матери Джесси.

– Кэти, как вы?

– Вы получили мое письмо, Билл? Я писала о...

– Все сделано, – говорит он. – Поставил на место. В кабинете, как вы и просили.

Мистер Кримминс подмигивает Джесси.

– Похоже, вы выросли сантиметров на тридцать, мисс Джессика.

Он достает из кармана рубашки жевательную конфету со вкусом зеленого яблока и протягивает Джесси. Это тоже традиция. Мистер Кримминс встречал Джесси этой конфетой столько, сколько она себя помнит, но сегодня впервые обычай кажется ребячеством. Ей тринадцать, она слишком взрослая и ответственная, чтобы интересоваться сладостями, и все же отказаться немислимо.

– Спасибо, – благодарит Джесси.

– А еще вам пришло письмо, – добавляет мистер Кримминс. Он тянется в задний карман, и сердце Джесси бешено

колотится: письмо от Тигра! Мама, наверное, думает о том же, потому что делает шаг вперед в предвкушении, но мистер Кримминс выуживает открытку. Он вручает ее Джесси.

На картинке – бруклинский Кулидж-Корнер.

Джессика смущенно переворачивает открытку и читает: «Милая Джесси, лето – это такая тоска. Скучаю по тебе очень сильно! Твоя подруга навеки, Дорис».

– Это от Дорис, – объявляет она. Мама вздыхает.

Экзальта, Кейт и Джесси проходят через кованые ворота на свой участок и поднимаются по кирпичным ступеням к задней двери; парадной дверью пользуются только гости. По всей длине задней части дома проходит кухня. Там есть кирпичная печь с камином, поэтому в кухню заходишь, будто возвращаешься в колониальные времена. Первым владельцем дома был кузнец по имени Эбenezер Раймонд.

Два брата Эбenezера работали плотниками, именно они построили этот дом в 1795 году. В те времена многие умирали молодыми, а уж новорожденные то и дело не выживали. Эбenezер женился, но его жена скончалась, он женился снова и затем, в возрасте тридцати восьми лет, умер и сам. Вторая его супруга осталась в доме с общими детьми, а также с отпрысками Эбenezера от первого брака.

В особняке «Все средства хороши» умерло столько людей, что Джесси кажется: в доме полно привидений, как и в некоторых других жилищах Нантакета. Но опять же, Джесси не может представить, что Экзальта потерпит у себя призрак

или призрак оживется с Экзальтой.

Дом пахнет все так же, то есть стариной и пылью, как музей. Дедушка курил трубку, и в воздухе витает легкий аромат табака.

В одной руке Джесси «Дневник Анны Франк», в другой – самый важный чемодан с пластинкой, но она бросает и то и другое у подножия лестницы, чтобы заглянуть в комнаты. Направо – официальная гостиная, три из четырех стен которой расписаны фресками. Это вид Нантакета примерно 1845 года, за год до того, как Великий пожар уничтожил центр города, и гости охают и ахают, впервые увидев изображение. В дальнем конце гостиной, в алькове, который почти, но не совсем отдельная комната, стоят письменный стол и кожаное кресло деда Джесси.

Самый старый антиквариат в доме – деревянная прялка, которая, как говорят, принадлежала дочке Эбенезера Раймонда. Давно, еще до рождения Джесси, Кирби слишком быстро раскрутила колесо и сломала педаль. Экзальта потребовала извинений, но Кирби отказалась, и в наказание бабушка посадила ее в кладовой – маленьком темном чулане под лестницей, где в старину хранили масло и молоко, – на целых десять минут. Подобная перспектива до сих пор пугает Джесси. Когда Кирби вышла из кладовой, то все равно не извинилась, и Экзальта, как рассказывают, назвала ее «маленькой бунтаркой», а затем угостила клубничным леденцом.

Слева от лестницы – кабинет с камином, где находится консоль с проигрывателем «Магнавокс», а также всевозможные вертушки и трещотки, которыми увлекается Экзальта. Джесси всегда восхищалась коллекцией бабушки, и видеть их каждый год – это почти как встречаться с друзьями. Вот индейский вождь в длинном головном уборе с перьями, прямо сидящий в каноэ с движущимися веслами; синий кит с поворачивающимися плавниками; наклонившийся фермер, которого сзади лягает мул; рядом целуются маленькие голландские мальчик и девочка; следом – ветряная мельница с вращающимися крыльями и любимец Экзальты, усатый мужчина в трико в красную полоску, который едет на старомодном трехколесном велосипеде. Джесси берет игрушки и приводит в движение, но осторожно, чтобы не сломать; меньше всего она хочет, чтобы ее запихнули в кладовую. Джесси поворачивается, собираясь уйти, но видит что-то настолько удивительное, что вскрикивает.

Это телевизор, большой телевизор, возвышающийся на подставке в углу.

Джесси подходит осторожно, будто телевизор – это космический корабль, который может взорваться в любой момент; вот настолько маловероятно его присутствие в доме. Он даже больше, чем у Дорис, а у Дорис самый большой телевизор из всех в школе, потому что ее отец любит смотреть рекламу «Макдоналдса». Телевизор подключен к розетке, а сверху стоит похожая на заячьи уши антенна. Джесси осто-

рожно поворачивает ручку, и экран загорается, показывая море серого шума.

Джесси выключает телевизор и спешит назад в кухню, где Кейт распаковывает кухонные принадлежности, а Экзальта сидит за столом. Перед бабушкой бокал – джин с тоником, – а также чековая книжка. Мистер Кримминс всегда сразу после приезда вручает Экзальте стопку счетов от местных подрядчиков.

– В кабинете – телевизор! – объявляет Джесси.

Экзальта вскидывает взгляд.

– Что?

– Мама... – роняет Кейт.

Джесси понимает, ей следовало сообразить: бабушке потребовались годы, чтобы согласиться на «Магнавокс», и она сопротивлялась приобретению более современной техники, несмотря на то что Кирби и Тигр постоянно ее умоляли. Экзальта никоим образом не могла разрешить телевизор. Это дело рук матери Джесси.

Вспыхивает ужасная ссора.

– Избавься от него, – требует Экзальта.

– Не буду. Мы с Дэвидом заплатили.

– Уж я надеюсь! – восклицает Экзальта. – Тем не менее это мой дом. Мой дом, Кэтрин, и я хочу выбросить телевизор.

– Мама, извини. Я понимаю, что должна была спросить, но подумала, ты откажешь.

– Разумеется, откажу! Я прямо сейчас говорю «нет»!

– Но я должна смотреть репортажи того журналиста, Уолтера Кронкайта! – возражает Кейт. – Прости, мама, но Тигр – мой сын. Он так далеко, и я могу узнать о том, что там происходит, только из вечерних новостей.

– Дорогая... – Экзальта замолкает, допивает коктейль и продолжает куда более мягким тоном: – Если тебе что-то надо будет узнать, они сообщат.

– Это жестоко.

– Зато правда. Пока нам ничего не сказали, мы можем быть уверены, что он жив. Я не понимаю, чем может помочь Уолтер Кронкайт, кроме как заставить тебя волноваться. И названия, которые они придумывают этим боям, – боже мой. Битва за высоту «Гамбургер»?¹³ Меня просто тошнит.

– Мне нужен телевизор для душевного спокойствия.

– Мне очень жаль, дорогая. Я попрошу Билла вернуть его туда, где взял. Тебе не следовало действовать у меня за спиной.

– Я взрослая женщина, мама. Телевизор остается.

– Если желаешь помериться силой воли, ты ошиблась противником, – отрезает Экзальта.

– Если не будет телевизора, я уеду, – рубит Кейт.

– Ты не посмеешь.

¹³ Сражение за высоту «Гамбургер» (англ. Battle of Hamburger Hill) – сражение между американской и северовьетнамской армиями в 1969 го-ду, получившее неожиданно большой резонанс в американских политических кругах и в обществе. Считается символом бессмысленности вьетнамской войны.

– А ты рискни.

Джесси удивляется: неужели ее мечта так легко сбудется?

Кейт уедет из Нантакета и заберет с собой дочь? Джесси ни разу не видела, как мама и бабушка ссорятся. Обычно Экзальта оглашает свое желание, а все остальные из кожи вон лезут, чтобы подстроиться. Джесси знает: когда Кейт объявила, что собирается замуж за Дэвида Левина, случилась стычка, но тогда речь шла о противостоянии искренней любви и религиозных предрассудков. А сейчас... о телевизоре. Наверное, Кейт испытывает куда большее пристрастие к теленовостям, чем полагала Джесси.

Она знает, что родители каждый вечер по будням смотрят Уолтера Кронкайта, но ведь ту же самую информацию можно найти в газете «Бостон Глоб», поэтому в вопросе телевизионных новостей Джесси разделяет точку зрения бабушки. Все эти сводки просто ужасные. Она не хочет каждый вечер слышать количество погибших. До отъезда Тигра это было просто число. Теперь Джесси понимает: каждое тело в списке – человек с именем, семьей, талантами, причудами, симпатиями и антипатиями. Она также понимает, что если Тигр умрет, то он тоже превратится в цифру, еще одно тело среди десятков тысяч таких же.

Джесси ни секунды дольше не может выдержать ссору Кейт и Экзальты. Через заднюю дверь она выскальзывает во двор, на прохладный свежий воздух. Их двор состоит из кирпичного патио и маленького газона. Окаймленная травой

мощенная дорожка ведет ко второму домику, который зовется «Пустячок» и выходит на Пламб-лейн. Здесь останавливаются Блэр, Кирби и Тигр. Наверху две спальни, ванная и крохотная гостиная с кухонькой. Внизу – третья спальня и гостевая ванная.

За углом «Пустячка» – закрытый летний душ. По мнению Экзальты, летом принимать душ в доме не имеет смысла, поэтому, несмотря на три большие ванны в главном особняке и ванную с душевой кабиной в домике, Экзальта требует, чтобы все обитатели «Все средства хороши» и «Пустячка» выстраивались в очередь в летний душ.

Джесси решает проверить, как обстоят дела в «Пустячке». Ей тринадцать, и она знает, что брат и сестры, будучи подростками, самостоятельно жили в маленьком домике, но отчего-то сомневается, что ей хотя бы когда-то позволят переехать из особняка. Хотя, пожалуй, выйдет устроить в «Пустячке» нечто вроде клуба: тихое место, куда можно спрятаться, чтобы почитать или сбежать от витающего в воздухе напряжения.

Джесси тянет на себя дверь – скрип знаком ей как собственный голос – и удивляется, отчего Кейт не додумалась спрятать телевизор в «Пустячке». Экзальта сюда никогда не заходит.

Внутри домика пахнет беконом. «Бекон? – недоумевает Джесси. – Неужто тут кто-то готовил?» У нее урчит в животе. Она заглядывает в спальню внизу, которая раньше при-

надлежала Тигру. Постель не заправлена, на тумбочке лежит «Крестный отец». Джесси переводит взгляд на шкаф. Там одежда, мужская одежда.

Это еще что?

Джесси вдруг чувствует себя Златовлаской из сказки про девочку и трех медведей. Она на цыпочках поднимается по лестнице, потому что теперь слышит шум, ритмичное чавканье, а затем тихое ругательство: «Черт».

– Эй? – зовет Джесси. Она просовывает голову между перилами и видит мальчишку, вероятно на пару лет старше ее. Тот лежит на диване с ракеткой, к которой привязан мячик на резиновом шнурке. На парне только горчично-желтые плавки, ожерелье из бусин вампум и браслет из белой веревки.

Он садится.

– О, привет. Наверняка ты Джесси.

Парень уже загорел, его волосы отблескивают золотым оттенком, который – Джесси точно знает – может появиться, только если плавать в соленой воде, а затем давать волосам высохнуть на солнце. По крайней мере, так утверждает Кирби. У Джесси волосы темно-каштановые и такими и остаются все лето. Она замечает, что веревочный браслет парня новый: он все еще белоснежный и свободно болтается на запястье. Джесси запомнила, что бывают такие украшения.

В начале каждого лета они с Кирби и Тигром шли в магазин подарков «Семь морей» и выбирали себе по совершен-

но новому браслету из чистой белой веревки, который потом с каждым купанием усаживался и тончал. К концу лета он становился грязно-серым и плотно облегал запястье Джесси, но Кейт каким-то образом просовывала лезвие ножниц между веревкой и кожей, чтобы разрезать браслет до их возвращения в Бруклин.

– Ты кто? – спрашивает Джесси.

– Пикфорд Кримминс, – отвечает парень. – Можно просто Пик.

– Пик, – повторяет Джесси. – Значит, ты как-то связан с мистером Кримминсом?

– Я его внук.

Внук? Джесси даже не знала, что у мистера Кримминса есть дети, а тут сразу внук.

– Я Джесси, – представляется она, – Джесси Левин.

– Знаю, – отвечает Пик. – Билл о тебе рассказывал.

– Ты зовешь дедушку Биллом? – Сама Джесси кличет бабушку Экзальтой только мысленно; если же хотя бы раз назовет так бабулю в лицо, запрут в кладовой до окончания веков.

– Он попросил так себя называть, – объясняет Пик. – Мы познакомились только в начале мая.

– Ты недавно познакомился с собственным дедушкой? – изумляется Джесси.

Пик откладывает в сторону ракетку, встает с дивана и подходит к лестнице, теперь Джесси может его рассмотреть. Он

высокий, худой... и симпатичный, решает она. Очень симпатичный, красивее любого мальчика в школе, и от этого Джесси смущается еще больше. Она на секунду теряет самообладание, но затем вновь берет себя в руки.

Что он здесь делает?

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает Джесси.

– Готовлю обед. Сэндвичи с беконом, салатом и помидорами на поджаренном португальском хлебе, который Билл покупает в «Пекарне Эйми». Слышала о такой?

Португальский хлеб от Эйми – еще одна летняя традиция, о которой забыла Джесси. Он плотный и белый, из него получают лучшие в мире тосты. Некоторые люди покупают в конце лета двадцать буханок, везут их домой, кладут в морозилку и наслаждаются весь год, но Экзальта и Кейт считают это жульничеством. Португальский хлеб, как помидоры и кукурузу с фермы на Хаммок-Понд-роуд, едят только летом.

– Само собой, слышала, – отвечает Джесси. – По четвергам они делают пироги с цыпленком, а по субботам запекают в печи фасоль.

– Здорово! – восклицает Пик. – Так что, сделать тебе сэндвич?

– Да, спасибо, – благодарит Джесси. Она сконфужена и чувствует себя несколько неловко. Непонятно, что Пик делает в «Пустячке», но голод побеждает сомнения.

Джесси видит по меньшей мере полкило хрустящего и коричневого бекона, который стекает жиром на бумажный па-

кет. Рядом на той самой разделочной доске, которую Тигр когда-то подпалил сковородкой, два помидора и кочан салата айсберг.

– Майонез будешь? – спрашивает Пик.

– Да, пожалуйста, – кивает Джесси. Она садится на один из стульев за столиком на троих и гадает, что бы подумали ее сестры и брат, если бы увидели в этой кухне незнакомца. Формально парень не чужак, размышляет Джесси. Он внук мистера Кримминса, а мистера Кримминса они знают всю свою жизнь. Но в курсе ли Блэр, Кирби и Тигр, что у мистера Кримминса есть внук? Пик сказал, что только в мае познакомился с дедушкой. Что же это значит?

У Джесси куча вопросов, но она замороженно смотрит, как Пик творит сэндвичи. Он поджаривает в тостере до золотисто-коричневого цвета великолепный хлеб, смазывает его майонезом, сверху кладет бекон и нарезанный помидор, накрывает салатом, который мастерски нарезает тупым поварским ножом, что принадлежит домику дольше, чем Джесси живет на свете. Пик раскладывает сэндвичи на тарелки и вынимает из шкафа два стакана. Он знает, где что лежит на этой кухне. Как же так? Пик достает из холодильника запотевший кувшин лимонада, ставит на стол бутерброды и напиток, а затем тянется в узкий шкаф, служащий буфетом, и выуживает цилиндрическую банку картофельных чипсов «Джейс». У Джесси челюсть падает. Картофельные чипсы категорически запрещены в обоих домах. Единственное исключение,

когда Кейт разрешает Джесси есть картофельные чипсы, – это в клубе вместе с сэндвичем с куриным салатом, и то, если при этом присутствует Экзальта, Джесси приходится просить взамен морковь.

Целая жестянка картофельных чипсов, и где – в «Пустячке»!

Пик поднимает бокал с лимонадом:

– Приятно с тобой познакомиться!

Джесси таращится на парня. У него притягательные льди-сто-голубые глаза цвета редчайших кусочков морского стекла.

– Взаимно, – говорит она. Оба чокаются бокалами, и Джесси чувствует себя неловко. Она никогда раньше не чокалась с мальчиком. Никогда не ела наедине ни с одним мальчиком, кроме Тигра.

Джесси съедает половину сэндвича и огромную порцию чипсов – изо всех сил сдерживаясь, чтобы в припадке безумия не проглотить сразу всю жестянку, – и решается спросить:

– Ты что, живешь здесь?

– Ну да. А бабушка живет в комнате внизу.

Джесси так шокирована этой новостью, что на какое-то время лишается дара речи.

Пик щелкает пальцами у нее перед лицом.

– Эй! Земля вызывает Джесси!

Она не может устоять, улыбается и отвечает:

– Я тут.

16 июня 1969 года

Дорогой Тигр,

спасибо за поздравление с днем рождения. Мне вручили пластинку и два озерелья, но лучшим подарком стало твое письмо.

В этом году торта не было, потому что мы ехали на Нантакет, но потом поели жареных креветок в «Закусочной Сьюзи» и отправились в молочный бар «Остров», где мне досталось мороженое с горячим шоколадным сиропом.

Должна тебе сообщить о двух вещах. Во-первых, мама и папа купили телевизор, и мама попросила мистера Кримминса поставить его в кабинете «Все средства хороши», не сказав бабуле! (Кстати, мистер Кримминс передает тебе привет, но о нем чуть позже.) Мама и бабуля жутко поссорились, кричали, а мама угрожала уехать назад в Бруклин. Я убежала, до того как ссора окончилась, но знаешь что? Телевизор остался! Мама потом сказала мне: бабуля поменяла мнение, когда узнала, что впервые в истории по американскому телевидению покажут Уимблдонский турнир и она сможет увидеть игру своего любимого Рода Лейвера.

Джессика на минутку останавливается, вспоминая, как Кирби назвала Рода Лейвера «знойным Лейвером» прямо при Экзальте, и та рассмеялась, запрокинув голову. Тигр при этом присутствовал и позже согласился, что Кирби что угод-

но сойдет с рук. Экзальта всегда неровно дышала к Ракете Роду (над этим прозвищем Кирби тоже ехидничала), и эта симпатия усилилась после смерти дедушки. Кейт крайне разумно использовала теннисиста в борьбе за сохранение телевизора.

Еще я должна тебе сказать, что этим летом мистер Кримминс будет жить в «Пустячке» вместе со своим внуком Пикфордом Кримминсом, по-простому Пиком. Пик у пятнадцать, он живет в Калифорнии с матерью, которая на самом деле Лорейн, но все называют ее Лавандой. Лаванда – дочь мистера Кримминса, но она уехала с Нантакета, когда узнала, что беременна. Пик говорит, они жили в городках по всей Калифорнии, а последние пять лет – вообще в коммуне возле грушевого сада. Но однажды утром Лаванда решила, что хочет «попутешествовать», встала и ушла, оставив Пика!

Кто-то в коммуне знал, как связаться с мистером Кримминсом, и тому пришлось поехать в Калифорнию на своем старом грузовике и забрать внука на Нантакет. Пик работает на кухне в ресторане «Северный берег». Обычно его ставят на салаты, но он надеется, что вскоре получит повышение до горячих блюд. В коммуне Пик трудился на кухне, где и научился готовить. Та коммуна была вегетарианской, поэтому он ни разу в жизни не пробовал мяса до того, как мистер Кримминс по дороге из Калифорнии остановился в «Макдоналдсе».

Теперь Пик обожает мясо. Особенно любит бекон, я ему сказала, что это и твоя любимая еда.

Джесси останавливается и перечитывает письмо. Не слишком ли много она болтает о Пике? Уж не решит ли Тигр, что сестренка запала на парня? Раньше Джесси не понимала значения слова «запала», но теперь все предельно ясно. Каждая клеточка ее тела будто сжимается, сердце – словно апельсин, из которого выдавливают сок, эмоции так и брызжут.

Завтра утром у меня начинаются уроки тенниса. Сказала бы, что боюсь, но я же знаю, ты сталкиваешься кое с чем гораздо хуже, чем два часа бить по мячу на раскаленной глине. Я очень скучаю по тебе, Тигр. Прошу, береги себя.

*С любовью,
Месси*

Magic Carpet Ride

14

Эван О’Рурк сообщает Кирби, что она последней из девушек приехала на лето в дом на Наррагансетт-авеню. Эван – племянник Элис О’Рурк, лысеющий сорокалетний холостяк с заметным брюшком, который, несмотря на июньскую жару, одет в белую рубашку с длинными рукавами, коричневые брюки и коричневые оксфорды.

Кирби все еще не отошла от общения с доктором Фрейзер. Она снова и снова проигрывает в голове их разговор, пытаясь расшифровать выражение лица и тон хозяйки дома. «А твои родители знают?»

Ровно тот же вопрос доктор Фрейзер задала Кирби во вре-

¹⁴ «Magic Carpet Ride» (1968) – одна из самых известных песен группы Steppenwolf.

мя их первой встречи.

Эван рассказывает ей, что живет в квартире цокольного этажа и управляет делами тети Элис, которая почти оглохла и ослепла от катаракты.

Кирби решает польстить Эвану.

– Твоей тете очень повезло, что у нее есть ты.

Он багровеет. Затем следует за Кирби два пролета лестницы вверх – видя не только обаяние Кирби, но и кое-что еще, – и она понимает, что от своей работы Эван получает почти невыносимый восторг. К тому времени, как они доберутся до чердачного помещения, он весь пылает.

– Тебе повезло, – говорит Эван. – Девушке, которая здесь жила, не понравилось находиться одной на этаже, поэтому она переехала в предназначенную тебе каморку размером с телефонную будку. Так что теперь эта комната с двуспальной кроватью – твоя. Здесь даже отдельная раковина.

– Отлично! – восклицает Кирби. Комната на чердаке, как и следовало ожидать, просторная и пыльная. Боковые стороны скошены крышей, но все же остается достаточно места для двуспальной кровати, комода, шкафа, вентилятора на подставке, стальные лопасти которого создают приятный ветерок, и обещанной раковины с прибитым над ней крошечным круглым зеркалом. Есть также одно окно, которое, похоже, выходит на нижнюю часть крыши. Великолепно.

– Мне нравится, – улыбается Кирби. Эван ставит на пол ее большую сумку, Кирби бросает рядом вещевой мешок и

кладет на кровать свое сокровище – портативный проигрыватель «Силверстоун».

– Мой отец заплатил аренду, правильно?

– Да, – подтверждает Эван. – Также тебе ежедневно положен завтрак, кроме воскресенья. Душ и туалет – на втором этаже, общий на четырех девочек.

– Женщин, – поправляет Кирби.

– О, так ты феминистка? – Эван выглядит неожиданно заинтригованным. Может, ему интересно, нравится ли Кирби идея свободной любви, ходит ли она иногда без лифчика, избавилась ли от сексуальных запретов, которые сковывали девочек, выросших в пятидесятые.

Разумеется, Кирби – феминистка. В прошлом она погуливала (до офицера Скотти Турбо у нее было еще два любовника), но, после того что произошло этой весной, поклялась дожидаться любви, прежде чем снова ложиться с кем-то в постель. Она никогда, никогда не будет спать с Эваном О’Рурком. Но немного повеселиться, пожалуй, можно.

– Ты куришь травку, Эван? – спрашивает она.

Он явно пугается. Неужели Кирби в нем ошиблась? Может, Эван попросит гостью покинуть дом, до того как та распакует хотя бы одну мини-юбку. В конце концов, ей придется проситься жить у Раджани. Или провести лето на Нантакете с Экзальтой, Кейт и Джесси. Немыслимо. Когда же, когда же, когда она научится держать язык за зубами?

Но тут Эван расплывается в кривой улыбке.

– Случается, – признается он, – хотя официально курить в доме запрещено. Еще не разрешается употреблять алкоголь и приводить гостей противоположного пола.

– Это все и правда запрещено? – уточняет Кирби. Ничего удивительного, что Дэвид с такой готовностью выписал чек. Должно быть, предварительно убедился, что это место – натуральный монастырь. – Серьезно, Эван? – Она тянется к его бледной, как пудинг, кисти. Эван подпрыгивает, и Кирби отдергивает руку: в последнюю очередь она желает наградить беднягу эрекцией.

– Ну официально – да, – тянет Эван.

– А как насчет музыки? Музыка-то разрешается?

– Если только не слишком громко.

Кирби поджимает губы. Доверие Эвана придется завоевывать постепенно. Она расстегивает молнию на чемодане.

– Я взяла только шесть пластинок.

У Кирби ушло несколько часов на то, чтобы выбрать эти шесть, которые поместились в ее сумку. В конце концов она решила, что важнее всего взять альбомы для разных настроений: ликования, гнева (личного и политического), надежды (личной и политической), разбитого сердца, спокойного самоанализа и дождливого дня / воскресенья. Оптимистично настроенная, она достает альбом «The Second».

– Тебе нравятся Steppenwolf?

Через несколько минут Кирби и Эван О'Рурк уже лежат на крыше, опираясь на локти и обкурившись до беспамятства;

на заднем плане завывает Джон Кей. С крыши открываются потрясающий вид на Серкет-авеню, Оушен-парк, пролив Вайнярд-Саунд. В нынешнем состоянии Кирби гораздо легче терпеть Эвана.

– У меня есть работа: я буду убирать номера в «Ширтаун Инн», – говорит она.

– Это в Эдгартауне, – сообщает Эван. – У тебя есть машина?

– Нет.

– А велосипед?

– И велосипеда нет. И нет денег на велосипед, даже подержанный.

– Так как ты будешь добираться до Эдгартауна и обратно? – вопрошает Эван.

– Думала ходить пешком.

Эван раздражается хихиканьем. Если Кирби закроет глаза, можно поклясться, что рядом с ней десятилетняя девочка.

– Слишком далеко, – наконец выговаривает Эван. – Дотуда три мили, не меньше.

– Три мили – не так и далеко, – храбрится Кирби, хотя ее сердце екает.

Она привыкла к Нантакету, где на весь остров – один город. На Винограднике Марты шесть городов, некоторые из них довольно далеко. Она смутно знала об этом, но совершенно не задумывалась, как на самом деле станет добираться.

– И что же мне делать?

– Будешь ловить попутки, – советует Эван. – Для таких милашек, как ты, это проще простого.

Следующим утром Кирби рано встает, завтракает одной из первых – овсянка со свежей черникой, коричневым сахаром и молоком, а еще тарелка ржаного хлеба с маслом и абрикосовым конфитюром. Кирби обычно не любит завтракать и терпеть не может кашу и ржаной хлеб, но решает, что раз еда бесплатная, то надо есть, и есть обильно.

Все собираются за столом, и Кирби понимает, что выбрала хорошее место. Единственная, кто выглядит хотя бы слегка перспективно, – девушка, сидящая рядом. Она пухленькая, с красивым лицом, большими голубыми глазами, длинными темными волосами, розовыми губами и хорошим настроением.

– Патриция О’Каллахан, – представляется она, протягивая руку. – Зови меня Патти.

– Катарина Фоли. Лучше Кирби.

– Ты поселилась в чердачной комнате?

– Да, мне там понравилось.

Тонкогубая девушка с другой стороны стола фыркает:

– Там жарко и мышь живет.

– Не буду выключать вентилятор, а мышей я не боюсь.

– Так-то, Барб, – фыркает Патти.

Барб хмурится на Кирби, и Кирби сожалеет о своей браваде.

На самом деле она кое-чего боится: во-первых, автостопа, а во-вторых, перспективы остаться без работы. Кирби солгала родителям, доктору Фрейзер и Эвану О'Рурку, сказав, что у нее есть работа. Та женщина из «Ширтаун Инн» только сообщила, что у них открыты вакансии горничных. Работу без личного интервью она предложить не могла.

Во время завтрака Патти рассказывает о себе. Она младшая из девяти детей в семье, ее родители живут в Южном Бостоне, а сама Патти приехала на Виноградник, потому что ее брат Томми – менеджер в кинотеатре «Стрэнд», и он подыскал сестре работу в билетной кассе на утренние и некоторые вечерние представления. Патти хотела стать актрисой, подала документы в школу актерского мастерства Ли Страсберга в Нью-Йорке, но ей отказали, а денег на обучение в Йеле не было. Она считает, что если посмотрит побольше фильмов, то сможет научиться актерскому мастерству. К тому же ей достается бесплатный попкорн.

– Брат живет в Чилмарке с двумя другими парнями, – трещит она. – Я вас познакомлю.

– У тебя есть автомобиль? – с надеждой спрашивает Кирби.

– Велосипед. Моя цель этим летом – сбросить десять килограммов. – Патти бросает тоскливый взгляд на масло и абрикосовый конфитюр.

После завтрака Патти показывает Кирби свою комнату. Та на первом этаже, слева от главного входа (и это отлично, говорит Патти, так легче улизнуть после комендантского часа), а ванную внизу она делит только с Барб, которая променяла чердак на чулан для метел. Барб противная, доверчиво шепчет новая знакомая, всегда угрюмая и осудила Патти, когда та в прошлое воскресенье проспала церковную службу.

– Службу? – недоумевает Кирби. – Летом никто не ходит на службу.

– Наверное, ты прихожанка епископальной церкви.

– Виновна, – хмыкает Кирби. Епископальная церковь Святого Павла на Нантакете расположена на Фэйр-стрит в полутора кварталах от дома Экзальты, но они с семьей ходят туда только раз за все лето, обычно на вечернюю службу. Хотя в этом году они, возможно, будут навещаться чаще, ведь Тигр за океаном. Кирби раздумывает, стоит ли ей пойти на мессу вместе с Патти, чтобы поставить свечу за брата.

– Три остальные девочки живут на втором этаже, они ирландки из графства Корк. Я зову их Миссы: Миранда, Морин и Микаэла. Они такие правильные: не пьют, не курят, не спят с парнями.

По совету Патти Кирби на интервью в «Ширтаун Инн» надевает юбку по колено и строгую блузку. Расчесывает во-

лосы, собирает их в хвост и закручивает в узел.

А затем отправляется на Сивью-авеню и поднимает вверх большой палец.

Мимо проносится куча машин, включая грузовик прачечной и джип с открытым верхом, битком набитый парнями из колледжа. Один из них свистит и поднимает два пальца в знаке мира, но джип не притормаживает, в нем все равно нет места для Кирби. Она идет вдоль воды. Здесь безмятежно и, кажется, совершенно безопасно, но Кирби все равно задастся вопросом, что бы подумали мама и – не дай бог – бабушка, если бы увидели, что она путешествует автостопом. Они бы решили, что ей жить надоело. Иначе зачем садиться в машину к совершенно незнакомому человеку? С ней могут сделать все что угодно – похитить, изнасиловать, убить и расчленить.

Рядом притормаживает вишнево-красный «Шевроле-Корвейр», и Кирби понимает, что водитель – черный. Она знает, что это не повлияет на ее решение – садиться в машину или нет. Как можно заявлять о своей прогрессивности, если демонстрировать ту самую предубежденность, за искоренение которой она борется? Автомобиль останавливается, из окна высовывается молодой парень.

Он симпатичный, отмечает Кирби. На нем безупречно белая футболка и очки «Рэй-Бен».

– Куда направляешься? – спрашивает он.

– В Эдгартаун, гостиница «Ширтаун Инн».

– Я знаю, где это. Садись.

Кирби колеблется, но лишь считанные секунды. Ведь именно так работает автостоп, верно? Тебя предлагают подвезти, ты соглашаешься.

Кирби обегает машину и запрыгивает на пассажирское сиденье. Автомобиль чистый – ни мусора, ни пыли, ни песка. Кирби охватывает тоска по «Интернешенал-Харвестер-Скаут», который она водила на Нантакете. Она почти гордилась тем, что ко Дню труда в «Скауте» накапливались сувениры отличного лета: доска для серфинга, охапка трусиков от бикини, найденные в песке доллары и ракушки, скомканные обертки от еды на вынос из «Чайки» в Мадакете, полдюжины влажных пляжных полотенец, несколько расплющенных банок «Шлиц», случайно найденный панцирь мечехвоста, мятая надорванная обложка «Долины кукол» Жаклин Сюзанн и примерно полтонны песка.

Этот автомобиль выглядит так, словно его только что купили.

– Мне надо на собеседование для приема на работу, – сообщает Кирби.

– Отлично, – отзывается парень. – Ты только что приехала на лето?

– Вчера. Я учусь в Симмонсе, в Бостоне.

Парень смеется.

– А я – в Гарварде, в Кембридже.

– Погоди, – сообщает Кирби, – ты Даррен?

– Он самый, – отвечает парень, сдвигает на лоб очки, расплывается в белоснежной сияющей улыбке и щелкает пальцами. – А ты, наверное, подружка Раджани. Тебя зовут... Кейси?.. Китти?..

– Кирби. Мое настоящее имя Катарина, но все зовут меня Кирби.

– Кажется, Раджани говорила, что у твоей семьи дом на Нантакете?

– Боюсь, что так, – кивает Кирби.

– А что же ты не там? Не пойми меня неправильно, мы на Винограднике рады всем красоткам, но я думал, что жители Нантакета держатся особняком.

– Нужно было сменить обстановку, – отвечает Кирби. Они переезжают деревянный мост, и она выглядывает из окна. Справа большой спокойный пруд, окаймленный камышом. – У меня был трудный год. – Кирби закрывает глаза и качает головой. Не следовало этого говорить. – В мае моего брата отправили во Вьетнам.

– Черт, вот отстой, – реагирует Даррен.

– Я пыталась уговорить его уехать в Канаду, но брат сказал, что Канада – для тех, кто боится пули. Он согласен, что война – это плохо...

– Еще как плохо, – поддакивает Даррен.

– Но у него сильное чувство долга. Наш отец... – Кирби сглатывает, – воевал в Корее. Наверное, был героем. Не знаю. Он умер через несколько месяцев после возвращения

домой, я его толком и не знала, но... нам всегда говорили, что папа был героем. Думаю, Тигр очень серьезно к этому относился.

– Его можно понять. В армию призвали моих друзей из школы «Бостон Латин», а потом прихватили моего соседа по комнате с первого курса в Гарварде. Он погиб в битве при Дакто.

– Я слышала об этом в новостях, – говорит Кирби. – Мне очень жаль. Потому-то я и против войны. Уэстморленд¹⁵ отправил американских солдат взять эту гору любой ценой, а через несколько недель армия ее оставила.

– Говорят, Абрамс¹⁶ получше. Думаю, с твоим братом все будет в порядке.

– Непременно, – соглашается Кирби. Так она и сказала Тигру перед отъездом. Он должен вернуться живым. Может, у других семей и хватит сил перенести потерю сыновей и братьев, но Фоли-Левин не такие. Просто не такие. Или, наверное, только Кирби не смогла бы пережить трагедию. Когда Тигр уехал, в ее жизни и так царил полный разлад, самый пик душевных терзаний по Скотти. На самом деле она сказала Тигру, что переедет с ним в Канаду. Они могли бы снять

¹⁵ Уильям Чайлдз Уэстморленд (англ. William Childs Westmoreland; 1914–2005) – американский военачальник, главнокомандующий американскими войсками во Вьетнаме, начальник штаба армии США.

¹⁶ Крейтон Уильямс Абрамс – младший (англ. Creighton Williams Abrams Jr.; 1914–1974) – американский военный деятель, генерал, возглавлял командование по оказанию военной помощи Вьетнаму в 1968–1972 годах.

квартиру в Монреале, выучить французский, полюбить хоккей. Эмигрировали бы и ни разу не оглянулись бы.

– Я подрабатываю спасателем на пляже Инквелл, – говорит Даррен. – Туда и ехал, когда увидел тебя.

– Ой, так я тебя сбила с пути! – восклицает Кирби. – Прости, пожалуйста. И большое тебе спасибо! Непростая бы вышла прогулка.

Они минуют знак, обозначающий въезд в Эдгартаун, и Кирби любителю зелеными улицами, застроенными очаровательными белыми дощатыми домиками. Тут даже живописнее, чем в центре Нантакета, что Кирби раньше казалось невозможным. Они проплывают мимо церкви китобоев, изысканного миниатюрного тенистого садика с каменными скамейками, здания с белыми колоннами под названием «Пресервейшен Холл».

– На работе мне надо быть к десяти. Я просто люблю приходить пораньше. Показываю пример, понимаешь. – Он ухмыляется, и Кирби практически падает в обморок. Даррен такой симпатичный и такой классный. У Кирби раньше не было чернокожих друзей, хотя она в хороших отношениях с чернокожими девочками в Симмонсе, особенно с Трейси из класса английского языка, которая познакомила ее с поэзией Гвендолин Брукс. Раджани – индианка, и они с Кирби кучу времени провели за обсуждением расовых вопросов. Тогда-то Кирби и решила, что хочет жить в стране, свободной от предрассудков.

Она задумывается, каково это – встречаться с Дарреном. Он, конечно, не приглашает ее на свидание. Только подвопит.

Даррен высаживает Кирби перед входом в «Ширтаун Инн» в тот самый момент, когда по ступеням поднимается женщина в зеленом платье с ярко-красными волосами. Даррен окликает ее:

– Эй, миссис Бенни!

Красноволосая женщина заслоняет глаза от света, Кирби тем временем вылезает из машины, аккуратно оправляя юбку. Миссис Бенни – та самая, с которой она говорила по телефону, и Кирби гадает, как ее выход из автомобиля Даррена выглядит со стороны.

– Привет, Даррен! – отзывается миссис Бенни. – Передай, пожалуйста, родителям, что я получила огромное удовольствие от вчерашнего вечера. Ничто не сравнится с фрейзеровскими вечеринками.

– Передам, – обещает Даррен.

Миссис Бенни машет ему и исчезает внутри здания.

– Спасибо, что подбросил, – благодарит Кирби. – Ты настоящий спасатель.

– Удачи на собеседовании. А где ты живешь?

Кирби называет адрес.

– А, дом мисс О’Рурк.

– Ты знаешь его?

– Там каждое лето живут самые красивые девчонки. И я

гляжу, нынешний год не исключение.

– Ой, спасибо. – Кирби изображает быстрый реверанс.

– Только следи за Эваном, – предупреждает Даррен.

– С Эваном я разберусь, – обещает Кирби. – Будет как шелковый.

– Не сомневаюсь, – кивает Даррен. – Так что, заглянешь как-нибудь на пляж Инквелл? Я всегда там, и от твоего дома легко дойти пешком.

– Хорошо, – соглашается Кирби. – Загляну.

– Я серьезно, – настаивает Даррен. – Приходи.

Сердце Кирби замирает.

– И я серьезно. Приду.

Даррен машет и уезжает, а Кирби остается на лестнице и глядит вслед машине, пока та не исчезает из виду.

Путешествие автостопом – ее лучшая затея.

Оказывается, что миссис Бенни – генеральный менеджер «Ширтаун Инн». Она приглашает Кирби в свой маленький кабинет за стойкой регистрации.

– Откуда ты знаешь Даррена? – спрашивает миссис Бенни.

Кирби уже открыла рот, чтобы признаться, что он ее подвозил, но осекается, забеспокоившись, как это прозвучит.

– Со школы, – говорит она.

Миссис Бенни смотрит в резюме Кирби, которое лежит перед ней на столе.

– Но ты учишься в Симмонсе, – замечает она. – Это женская школа.

«Женская школа», – повторяет про себя Кирби.

– Меня с ним познакомила подруга из Симмонса, – выпаливает она. – Они с Дарреном с детства проводили здесь лето вместе.

– Но семья Даррена постоянно живет на острове, – говорит миссис Бенни. – Я знаю этого мальчишку с тех пор, как он под стол пешком ходил.

Кирби так нравятся ее слова. Виноградник Марты – место, где существует расовая гармония!

Миссис Бенни указывает на пометку, написанную от руки на полях резюме. Кирби часами сидела за «Андервудом» сестры, печатая и перепечатывая, пока не создала идеальный экземпляр, а теперь его почеркали вдоль и поперек.

– Тут говорится, что ты хочешь работать горничной. Но, к сожалению, все вакансии уже заняты. Знаешь, ирландские девочки приезжают сюда еще в мае.

Кирби падает духом. Ирландские девочки – такие, как Миранда, Морин и Микаэла со второго этажа, – приехали в мае и захватили все вакансии. Если нет работы горничной, что же ей осталось?

Качать бензин? Упаковывать продукты?

– Я хотела приехать раньше, – выдавливает Кирби, – но надо было закончить семестр.

Миссис Бенни поднимает голову и смотрит на Кирби так, будто видит впервые в жизни.

– Ты красивая девочка и окончила три курса колледжа. –

Она наклоняется, демонстрируя свое глубокое декольте. – А что скажешь о том, чтобы работать за стойкой регистрации?

Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Кирби кивает, не в силах выдать ни слова.

– Мне только что пришлось уволить девушку, – объясняет миссис Бенни, – за неблагоразумное поведение.

Кирби понимает, что спрашивать не стоит, но ее разбирает любопытство: где же прокололась предшественница?

Миссис Бенни, кажется, читает ее мысли.

– У нас останавливался джентльмен, и Вероника выдала его жене ключи от его комнаты, не посоветовавшись ни с ним, ни со мной. Это привело к очень неудобной ситуации.

Видимо, джентльмена застучали со студенткой, догадывается Кирби. Или секретаршей. Или с чужой женой. Она отгоняет мысли о Скотти Турбо.

– Прежде чем примешь предложение, должна объяснить тебе кое-какие особенности работы. Приходить надо вовремя. Опрятно одеваться, тщательно причесываться. Никаких брюк или кюлотов. Никаких обнаженных рук. В нашей гостинице селятся уважаемые люди, например бизнесмены с Уолл-стрит, руководители компаний. Только что я забронировала комнату для сенатора Эдварда Кеннеди. Он остановится у нас в следующем месяце.

Тедди Кеннеди! Кирби ушам своим не верит.

Миссис Бенни продолжает:

– Здесь, в гостинице, наш приоритет – это комфорт гостей

и их конфиденциальность. Понимаешь?

– Кристально ясно, – отвечает Кирби. Она так рада, что завязала волосы в узел перед собеседованием, а вот вопрос гардероба ее беспокоит. Надо поискать на Винограднике магазин вроде универмага Буттнера, где продается подходящая одежда. Тедди Кеннеди! Она дожидаться не может, когда расскажет Раджани. Но только... надо быть осторожной.

– Свободна смена с одиннадцати вечера до семи утра. Это не будет проблемой?

Кирби какое-то время переваривает услышанное – с одиннадцати вечера до семи утра. Миссис Бенни предлагает ей ночную смену. Будет ли это проблемой? Кирби быстро прикидывает. Она вернется на Наррагансетт-авеню как раз к завтраку, а потом поспит. Если спать с восьми до двух, то у нее останется все послеобеденное время для пляжа и вечерних развлечений. Это не оптимальный вариант, но от таких предложений не отказываются.

– Выходные свободны? – спрашивает она с надеждой.

– Свободные дни – понедельник и вторник, – отвечает миссис Бенни. – Уходишь отсюда в понедельник утром в семь утра и возвращаешься в среду вечером к одиннадцати. Девяносто долларов в неделю.

Девяносто долларов в неделю! Кирби сама ужасается, что поддалась власти американского доллара, но невозможно отрицать его привлекательность. Ей придется отказаться от выходных, однако, учитывая бурное прошлое, это, возможно,

не так уж и плохо. Она должна доказать, что достойна лучшего, должна научиться вести себя этично. Миссис Бенни предлагает Кирби шанс показать, что она ответственный взрослый человек. Кроме того, с таким расписанием ей удастся избежать очереди в ванную на втором этаже, и у родителей не будет причин жаловаться.

Кирби станет администратором!

– Согласна, – говорит она.

Those Were the Days

17

Она заключила сделку с дьяволом.

У нее просто не было выбора.

Кейт не привыкать к жертвам войны. Уайлдер погиб дома, на американской земле, но Кейт-то знает, что он так и не вернулся из Кореи. Однако отправлять в бой сына – это совсем другое, а во Вьетнаме идет совершенно другая война. Практически непроходимые джунгли, убийственная жара, хищные насекомые, мрачные зеленые болота. Тяжело воевать, когда тебе противостоит сама страна, не говоря уже о жестоком безнравственном Вьетконге.

¹⁷ «Those Were the Days» (1968) – песня, авторство которой приписывается Джину Раскину. Автор наложил новый английский текст на русский романс «Дорогой длинной».

Они устраивают жестокие ловушки – «палочки пунджи»¹⁸, ямы со змеями, гранаты в пивных банках.

Кейт и Дэвид были тихими противниками войны с 1965 года. Помощника юриста из фирмы Дэвида призвали в армию, и этот молодой человек – всего двадцать два года от роду – погиб в битве при Йа-Дранге, пробыв во Вьетнаме всего неделю. Кейт опасалась, что Тигр пойдет в армию сразу после окончания школы, но тот с перепугу поступил в университет во Фремингейме. Теперь она жалеет, что сын не пошел в армию; тогда, по крайней мере, у него был бы выбор. Он мог получить специальность, которая позволила бы ему не участвовать в боевых действиях.

Но Тигр рискнул, и теперь он пехотинец, один из тысяч. Расходный материал.

Единственная надежда Кейт на то, что Тигр быстро вернется домой – может, уже в сентябре, – мистер Кримминс. Кейт предупредила Билла Кримминса, что Тигр призван в армию и этим летом не приедет на Нантакет, и управляющий ответил, мол, его шурин воевал с Крейтоном В. Абрамсом во время Арденнской операции и до сих пор еженедельно переписывается с генералом по военным и личным вопросам.

Билл сказал, мол, попросит шурина использовать свое влияние на генерала, чтобы вытащить Тигра. Но попросил

¹⁸ «Палочки пунджи» – заостренные бамбуковые колья, которые прятали в ямах на пути у неприятеля, предварительно обмазав грязью, мочой и фекалиями. Наступая на такую, человек практически гарантированно получал заражение крови.

об ответной услуге.

Скандал с телевизором послужил хорошим прикрытием переживаниям, связанным с мальчиком. Кейт видит Пика из окна своей спальни, пока распаковывает чемодан. Парень садится на велосипед. Кейт отмечает форму его плеч и золотистый блеск волос.

Она обнаруживает, что дрожит.

Кейт думала, что Экзальта станет препятствовать ее плану, но ошиблась. Кейт объяснила матери ситуацию несколько недель назад: мистер Кримминс узнал, что у Лорейн есть сын в Калифорнии. Лорейн (теперь ее зовут Лавандой) исчезла, и мистер Кримминс отправился за Пиком, но в его доме на Пайн-стрит нет места для ребенка, – и Экзальта легко нашла решение: Билл Кримминс и его внук станут жить в «Пустячке».

– Для нас неплохо, если рядом будет мужчина, – сказала Экзальта. Кейт не стала уточнять, что Дэвид собирается приезжать каждые выходные; она просто почувствовала облегчение из-за того, что мать не стала возражать против договоренности. Мало того, Экзальта вела себя так, словно приглашение Билла Кримминса и его внука погостить в «Пустячке» было ее собственной идеей.

«Все будет хорошо», – повторяет Кейт. Билл Кримминс написал шурина на прошлой неделе, прямо перед переселением в «Пустячок», так что ответ получит через неделю или две. Тигр вырвется из лап опасности так же внезапно, как и

попал в них. Он вернется домой.

За парнем из «Пустячка» выходит кто-то еще, девочка. Джесси, понимает Кейт. Во время разговора с Пиком дочь стоит в очень взрослой позе, положив руку на талию и выпятив бедро. Что ж, думает Кейт, ей уже тринадцать... исполнилось сегодня. Бедной милой Джесси пришлось пожертвовать своим днем рождения ради переезда и обустройства. Кейт слишком устала, чтобы придумать что-то еще, кроме как отвезти всех на ужин в «Закусочную Сьюзи», а это не ритуал дня рождения, а ритуал первого вечера на Нантакете. Однако она полагает, что по дороге домой они могут зайти в молочный бар «Остров» и съесть по мороженому.

Жалкая попытка отпраздновать начало подросткового возраста ее младшей. Кейт решает, что на следующей неделе, когда все уляжется, они с Джесси вдвоем поужинают в «Безумном Шляпнике», любимом заведении дочери.

Кейт, как обычно, запикивает чемодан в дальний угол шкафа, пытаясь не думать о том, что в один прекрасный день его снова придется собирать. Затем окидывает взглядом комнату, которая, сколько она помнит, служила ей летней спальней. Кейт жила здесь маленькой девочкой в те времена, когда Америка была счастливой и процветающей; жила здесь подростком во времена депрессии, мужчины со всего острова стучались в дверь, чтобы узнать, не нужна ли какая-нибудь помощь по дому. Именно в это время, вспоминает Кейт, они наняли Билла Кримминса для разовых пору-

чений и его дочь Лорейн – горничной и кухаркой. Кримминсы переехали на постоянное место жительства на Нантакет, после того как Билл потерял работу на текстильной фабрике в Лоуэлле, штат Массачусетс. Жена его умерла, когда Лорейн была еще ребенком.

Кейт жила здесь в молодости, будучи супругой Уайлдера Фоли с его маниакально-депрессивным расстройством, патологической лживостью и бесспорной притягательностью. Она помнит, как долгими ночами сидела у окна, ожидая возвращения Уайлдера, а он допоздна зависал в баре «Сундук боцмана». Кейт жила здесь с тремя оставшимися без отца детьми ужасным летом 1953 года. Лорейн Кримминс сбежала в Калифорнию, и Кейт провела большую часть июля и августа с малышами без всякой помощи. Она вырезала бумажных кукол с Блэр и Кирби, учила старшую ездить на велосипеде по Пламб-лейн, копала с Тигром ямки в песке на Степсбич, плача за огромными солнечными очками. Затем она жила здесь как жена Дэвида Левина, еврейского адвоката, которого Экзальта так и не приняла, несмотря на то что он был добрым, солидным человеком – настолько же хорошим, насколько Уайлдер был безрассудным и непредсказуемым, – готовым взять на воспитание троих чужих детей и обращаться с ними так же, как со своей родной дочерью Джессикой. И вот Кейт уже сорок восемь лет – возраст, который она ощущает только в месте, объединяющем все ее разные жизни, в этой комнате.

На комодe стоит фотография семьи, сделанная в дюнах Степс-бич: в центре заднего ряда Кейт и Дэвид, слева от них Блэр и Ангус, справа Кирби, а впереди сидят Тигр и Джесси. Все улыбаются и сияют летним загаром: светлые волосы, смуглая кожа. В тот день за обедом Экзальта выпила слишком много «Хендрикса» с тоником и заснула, пропустив экскурсию на Степс-бич. Кейт, честно говоря, рада, что матери там не было. Это ее семья, она ее глава. Кейт изучает свое лицо, и ее сердце разрывается: как же наивно было чувствовать себя в безопасности.

«Бывали же деньки, мой друг, казалось, навсегда».

Отсутствие Тигра – это временно, уговаривает себя Кейт. Надо верить в Билла Кримминса. Она сделает все возможное, чтобы мальчик почувствовал себя желанным гостем, и будет вознаграждена по заслугам. Мистер Кримминс найдет способ вернуть Тигра домой. Семья воссоединится.

Suspicious Minds

19

Температура в Бостоне – около двадцати семи градусов, а Блэр в самом начале третьего триместра, однако уже выросла из всей одежды для беременных. Она помещается в одно-единственное платье. Оно смахивает на желтый цирковой шатер, но выбора нет: Блэр надевает его всякий раз, выходя из дома, а появляться на улице старается пореже.

Ангус согласился доплачивать за доставку продуктов из «Сейвенорса» и не возмущался стремительно растущим счетом за электричество: Блэр держит кондиционер включенным двадцать четыре часа в сутки. В квартире холодно, как на Северном полюсе, но Блэр все равно потеет. Она си-

¹⁹ «Suspicious Minds» (1968) – песня Марка Джеймса, впоследствии ставшая одним из лучших хитов Элвиса Пресли.

дит перед телевизором, не отрывается от ситкомов и один за другим поедает бутерброды-гриль с сыром и карамельные пудинги.

Ангус сквозь пальцы смотрит на дополнительные расходы, но Блэр это кажется не проявлением доброты, а признаком нечистой совести. Муж не хочет говорить, где пропал в тот день, когда она устроила сюрприз в офисе. Упирается, что ходил на встречу, хотя причины трижды называл разные и не сумел объяснить, почему его волосы были взъерошены, а пиджак неправильно застегнут.

Еще Блэр показался подозрительным один телефонный звонок. Она сняла трубку в квартире, и спокойный мелодичный женский голос попросил позвать мистера Уэйлена, а ведь все в Массачусетском технологическом институте называют Ангуса доктором Уэйленом или профессором Уэйленом.

Блэр по наитию сказала:

– Извините, его сейчас нет дома. Это Джоанна?

Женщина повесила трубку.

Однажды июньским утром звонит телефон. Ангус отвечает по кухонному аппарату, и в то же мгновение Блэр поднимает трубку рядом с кроватью. Она лежит в одном белье под тонкой простыней, мрачно ждет, пока муж разогреет ужин и принесет, будто гостиничную доставку в номер, чтобы поесть перед телевизором.

– Алло? Резиденция Уэйленов, – говорит Ангус.

– Мистер Уэйлен? – произносит серебристый голос. – Это Трикси.

В один миг Блэр осеняет: муж не знает, что она подслушивает.

– Трикси, – отвечает Ангус, – послушай. Мне жаль, что сегодня все так получилось. Случились проблемы на работе, но... я бы хотел встретиться завтра.

– Все в порядке, но мне придется выставить счет за сегодняшний день.

– Да, – говорит Ангус. – Разумеется, я все понимаю. – Блэр едва удается сдержаться и не ахнуть. Ангус откашливается: – Дорогая, ты на линии? – Пауза. – Блэр?

Она нажимает на пластмассовый рычажок и отключается. Затем аккуратно кладет трубку и откидывается назад, изображая, как ей кажется, беременную дремоту.

Через секунду Ангус стучит в дверь, и до Блэр доносятся смешанные запахи солсберийского стейка, гороха и яблочного пирога.

– Дорогая?

Блэр не открывает глаза. Ангус встречался с девушкой по вызову, проституткой. С одной стороны, слава богу, что это не Джоанна с бирюзовыми тенями для век, любительница «Зайчонка Пэта», и даже не роман со студенткой университета.

С другой стороны, от мысли о том, что Ангус спит с проституткой, ее тошнит. Это так мерзко, так недостойно. Он

платит за секс! Возможно, муж давненько покупает услуги продажных женщин. Теперь-то ясно, как он стал таким искусным в спальне. А что насчет болезней? Неужели Ангусу действительно плевать на Блэр и их еще не родившегося ребенка?

Трикси, думает Блэр. Даже хорошо, что соперница обрела имя. Проститутку зовут Трикси.

Пока Блэр ждет следующего загадочного звонка, дни становятся все жарче. Заходит попрощаться Кирби. Она собирается провести лето на Винограднике Марты вместо Нантакета. Блэр никак не возьмет в толк.

– Пора сбежать из-под мамочкиного контроля, – объясняет Кирби. – Настало время вырасти.

С этим Блэр искренне согласна. Кирби не хватает дисциплины. Кажется, сестра готова направиться куда ветер подует. Не стоит разочаровывать ее, что быть взрослой – совсем не так весело, думает Блэр.

– Решила стать горничной? – спрашивает она. – А получше работы не нашлось?

– По крайней мере, я-то работаю, – парирует Кирби.

Она пробегает глазами по постели Блэр: упаковки от еды, пустые стаканчики из-под пудинга, телегид и экземпляр «Машины любви» Жаклин Сюзанн. В наши дни это считается литературой.

Блэр хочется огрызнуться, но ее положение и вправду жалкое, а сил состязаться в остроумии нет. Мозг совсем пре-

вратился в кашу.

Обмен ролями с сестрой удручает. В те мрачные дни, когда умер отец Блэр и Кирби – старшей было восемь, младшей пять, – сестра, хныча, забиралась в кровать Блэр. Она уже подросла и понимала: происходит что-то очень плохое, но все же была еще маленькой, поэтому ей не говорили, что именно, а мать сосредоточилась на уходе за трехлетним непоседой Тигром. Блэр вспомнила, как кто-то – возможно, бабушка или Джейни Беккет – сказал, дескать, Кирби повезло, что у нее есть старшая сестра. Она может служить примером для подражания. Блэр отнеслась к этому очень серьезно и всю жизнь старалась быть идеальной.

Но сейчас Кирби, должно быть, смотрит на старшую сестру и думает: «Не хочу стать такой».

– Зря я бросила работу, – признает Блэр. – Надо было в прошлом году остаться в школе, но Ангус потребовал, чтобы я сидела дома.

– Но почему ты не настояла на своем? Знаешь, что сказала бы активистка Бетти Фридан?

– Бетти Фридан не замужем за астронавтом! – Блэр почти смеется, настолько абсурдно звучит ответ. Несомненно, следующим пунктом Кирби укажет, что Блэр тоже замужем не за астронавтом... ну, не совсем за астронавтом. – А теперь я хорошо устроилась и застряла, так? Босая и беременная. Мне скучно до чертиков. Скучно настолько, что в голову лезут всяческие теории заговора...

– Ты выяснила, кто убил Кеннеди? – перебивает Кирби.

Блэр не в силах выдавить улыбку. Ей хочется рассказать об Ангусе и Трикси, но она не желает признаваться в очередной неудаче. Блэр не только торчит дома: муж, ради которого она бросила работу, ей изменяет.

– Наслаждайся летом на Винограднике, – выдавливают Блэр. – Уборка – честный труд. Я горжусь тобой.

– Ой, Блэр, – восклицает Кирби, кладет руку на живот сестре, и ребенок пинается.

– Это твоя тетя Кирби, – говорит Блэр.

– Привет, малыш, – улыбается Кирби. – Готовься к шестьдесят девятому году. Я хочу научить тебя парочке песен протеста.

На следующий день Кейт заходит попрощаться перед отъездом на Нантакет вместе с Джесси и Экзальтой.

– Если что-то случится, папа будет дома, – говорит она.

Кейт выкладывает стопку журналов – «Домашнее хозяйство», «Женский домашний журнал», «Женский еженедельник». Ни одного новостного издания. Блэр знает, что мать старается уберечь ее от потрясений или расстройств, но как же не хочется читать «Десять вариантов холодного летнего ужина» или «Что бы вышить в выходные». Блэр требуется

куда менее благопристойный журнал со статьями вроде «Что делать, если ваш муж изменяет вам с проституткой». Например, «Космополитен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.